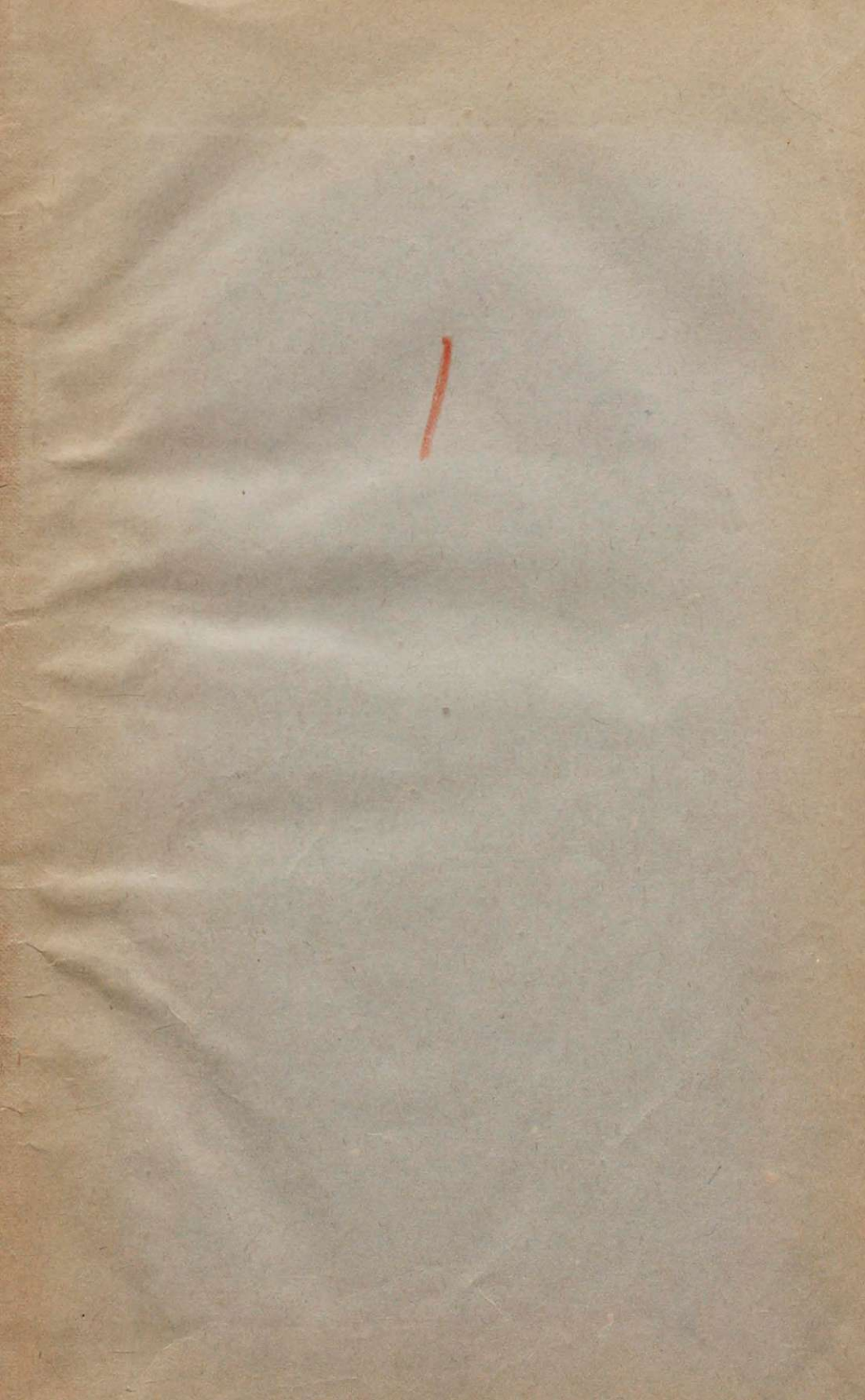
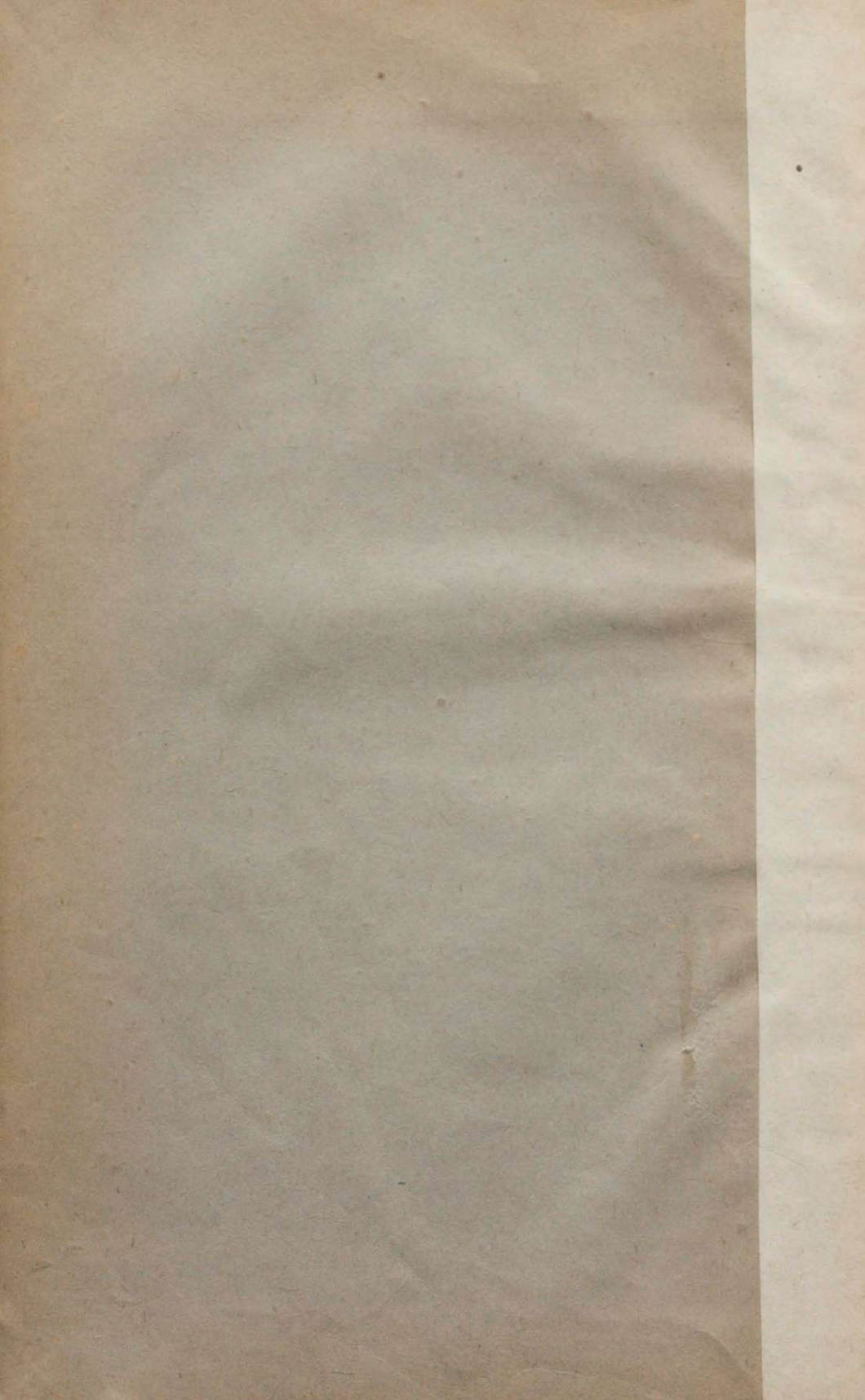

A $\frac{193}{20}$
1890.

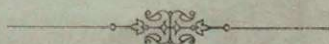
А 195.
20.

Н. ОГЛОБЛИНЪ.

СЕМЕНЪ ДЕЖНЕВЪ

(1638 — 1671 гг.).

(Новыя данныя и пересмотръ старыхъ).

С.-Петербургъ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій кан., 80.

1890.

А 193
20

ор 1-80
9081

Н. ОГЛОБЛИНЪ.

СЕМЕНЪ ДЕЖНЕВЪ

(1638 — 1671 гг.).

(Новыя данныя и пересмотръ старыхъ).

21845-0

С.-Петербургъ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій бан., 80.

1890.

И. О. КОЛЛЕКТОРЪ

СЕМЕНЪ ДЕЖНЕВЪ

(1888—1891 гг.)

(Новый журнал: переводы статей)

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, декабрь 1890 г.

1890

2007079498

КНИГА ИМЕЕТ:

Печати. листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ спуска и порядковый
4						2	69 128

Оглавление.

	СТРАН.
Введение.	3
I. Открытіе Дежневскаго пролива (1647—1658 гг.) (<u>По старымъ даннымъ</u>).	7
II. Новыя данныя объ открытіи Дежнева (1648 г.).	17
III. „Второе открытіе“ <u>Дежневскаго пролива</u> (1728 г.)	26
IV. Взглядъ Словцова на <u>открытіе Дежнева</u>	32
V. Новыя біографическія данныя о <u>Дежневѣ</u> (1638—1662 гг.)	38
VI. Двѣ поѣздки Дежнева въ Москву (1662—1671 гг.).	46
Приложенія.	54

Имя якутскаго казака Семена Иванова Дежнева принадлежит къ числу очень почтенныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень давно уже полупозабытыхъ именъ русской исторіи. Кажется, однимъ только специалистамъ исторіи и географіи это малоизвѣстное теперь имя напоминаетъ объ очень крупномъ событіи — объ открытіи въ 1648 г. пролива, раздѣляющаго Азіатскій материкъ отъ Американскаго и названнаго впоследствии Беринговымъ. Имя капитанъ-командора Витуса Беринга, пытавшагося въ 1728 году разрѣшить за восемьдесятъ лѣтъ до него уже рѣшенную Дежневымъ географическую задачу, — громкое имя иностранца Беринга совершенно затухевало скромное русское имя Дежнева. Пролитъ, который по всей справедливости слѣдовало величать Дежневскимъ, съ легкой руки великаго англійскаго мореплавателя Кука, окрестившаго его именемъ Беринга (Behring strait), сталъ извѣстенъ подъ этимъ незаконнымъ прозвищемъ и въ научныхъ трактатахъ, и въ географическихъ учебникахъ, и въ обществѣ... Быть можетъ, однако, придетъ время, когда русская наука и общество исправятъ свою вину предъ памятью Дежнева, когда его имя станетъ извѣстно даже школьникамъ, начинающимъ свое знакомство съ географическими картами... Чтобы дожидаться этого времени, русская наука обязана собирать новые матеріалы для уясненія подвига Дежнева и для характеристики его личности.

Первыя данныя о плаваніи Семена Дежнева открыты еще въ прошломъ столѣтіи извѣстнымъ исторіографомъ Герардомъ Фридрикомъ Миллеромъ, который въ 1736 г. нашелъ свѣдѣнія о Дежневѣ въ документахъ Якутскаго воеводскаго архива ¹⁾. На основаніи ихъ Мил-

¹⁾ Первыя и главныя свѣдѣнія о Дежневѣ напечатаны Миллеромъ въ статьѣ „Описаніе морскихъ путешествій по Ледовитому и по Восточному морю, съ Россійской стороны учиненныхъ“ (см. его *Сочиненія и переводы*, къ пользѣ и

леръ отдалъ должное памяти Дежнева, отнесъ именно къ нему, а не къ Берингу, честь перваго и основательнаго разрѣшенія крупной географической задачи, долго занимавшей умы европейскихъ ученыхъ. Имя Миллеровскаго „выведенца“ (какъ впоследствии выразился Словцовъ) Дежнева и его великое открытіе съ половины прошлаго столѣтія становятся извѣстными европейскимъ географамъ того времени (напримѣръ, англичанамъ Борнею, спутнику Кука, Коксу и др.). Съ того же времени и русская наука внесла имя Дежнева на свои страницы ¹⁾ и передала это имя нашему столѣтію ²⁾. Русскіе историки и географы нашего времени считаютъ своимъ долгомъ упомянуть объ открытіи Дежнева, хотя по большей части выражаются о немъ какъ-то глухо и осторожно ³⁾.

увеселенію служащие, 1758, январь), стр. 9—20. Часть документовъ „Якутской архивы“, которыми пользовался Миллеръ, чрезъ сто лѣтъ послѣ него (въ 1851 г.) напечатаны археографической комиссіей въ Дополн. Акт. Ист., т. IV, №№ 4, 5, 6, 7, 30, 45 и 47. Особенно цѣненъ № 7 — двѣ отписки (вторая безъ конца) Дежнева Якутскимъ воеводамъ, 1655 г. Другіе источники Миллера остались неизвѣстными. А что у него были и другіе источники, это несомнѣнно: 1) о первомъ плаваніи Дежнева 1647 г. ни слова нѣтъ въ № 7 „Дополненій къ Акт. Ист.“, а у Миллера есть нѣкоторыя свѣдѣнія; 2) о второмъ плаваніи 1648 г. у Миллера есть такіа подробности, какихъ нѣтъ въ № 7 (напримѣръ, о первомъ крушеніи 4 кочей, о ссорахъ Дежнева съ Анкудиновымъ, нѣкоторыя подробности о Федотѣ Алексѣевѣ и пр.); 3) Миллеръ говоритъ, что Дежневъ „начинаетъ свою отписку объявленіемъ о Большомъ Чукотскомъ носѣ“ (стр. 11). Но № 7, II (2-я отписка) начинается описаніемъ плаванія съ рѣки Колымы; о носѣ говорится дальше—въ серединѣ отписки, а совсѣмъ не въ началѣ ея. Первая отписка (№ 7, I) начинается тоже не описаніемъ „носа“, но разказомъ о сухопутномъ походѣ на Анадырь и проч.

¹⁾ Изъ русскихъ современниковъ Миллера слѣдуетъ указать на Ломоносова, вполне признававшаго подвигъ Дежнева (см. его сочиненіе 1763—1764 гг. „Краткое описаніе разныхъ путешествій по сѣвернымъ морямъ и показаніе возможнаго проходу Сибирскимъ океаномъ въ восточную Индію“, напечатанное (въ 1854 г.) А. Соколовымъ въ изданіи гидрографическаго департамента „Проектъ Ломоносова и экспедиція Чичагова“, стр. 53—55).

²⁾ Изъ историковъ и географовъ первой половины XIX столѣтія, говорившихъ о Дежневѣ, можно указать на Берга („Хронологическая исторія вѣхъ путешествій въ сѣверныя полярныя страны“, С.-Пб., 1821, ч. I, стр. 87—89), Словцова („Историческое обозрѣніе Сибири“, 2-е изд. 1886 г., I, 56—59; 1-е изданіе вышло въ 1838—1844 гг.), Врангеля („Историческое обозрѣніе путешествій по Ледовитому океану, между Карскимъ моремъ и Беринговымъ проливомъ, до 1820 г.“, С.-Пб., 1841, стр. 7—16) и проч.

³⁾ См., напримѣръ, Соловьева, XII, 310—312 (гдѣ о главной заслугѣ Дежнева

Такое отношеніе къ памяти Дежнева вызвано, очевидно, тѣми сомнѣніями въ его подвигѣ, какія появлялись и въ прошломъ столѣтіи ¹⁾, и, особенно, въ нынѣшнемъ—у Словцова. Сомнѣнія эти были вполне естественны: великое плаваніе Дежнева описывалось Миллеромъ, на основаніи собранныхъ имъ архивныхъ данныхъ, такъ коротко и глухо, что давало скептикамъ полное право сомнѣваться въ томъ, будто Дежневъ прошелъ проливъ, отдѣляющій Азію отъ Америки. Когда археографическая коммиссія обнародовала часть тѣхъ архивныхъ документовъ, которыми пользовался Миллеръ, сомнѣнія въ подвигѣ Дежнева нисколько не уменьшились, скорѣе даже увеличились. Здѣсь уже не Миллеръ, а самъ Дежневъ, въ своихъ опискахъ Якутскимъ воеводамъ 1655 г. ²⁾, разказываетъ о своемъ плаваніи на столько неопредѣленно и неясно, что оставалось или принять на вѣру Миллеровское толкованіе Дежневскаго разказа, или же отвергнуть его. Такъ и поступали доселѣ наши историки и географы: одни вѣрили Дежневу и Миллеру, другіе совершенно игнорировали якутскаго казака.

Но теперь является возможность отбросить въ сторону всякія сомнѣнія въ подвигѣ Дежнева. Въ столбцахъ Сибирскаго приказа, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи, мнѣ посчастливилось отыскать одинъ документъ, который положительно и ясно говоритъ, что такъ-называемый Беринговъ проливъ весь пройденъ Семеномъ Дежневымъ въ 1648 году: это—первая челобитная Дежнева, поданная имъ Якутскимъ воеводамъ въ 1662 году, послѣ долготѣйшей службы на рѣкѣ Анадырь, о выдачѣ ему заслуженнаго „государева жалованья“, котораго онъ не получалъ многіе годы, вслѣдствіе нахожденія на „дальнихъ службахъ“ ³⁾.

Помимо вышеуказаннаго значенія, эта обширная челобитная Дежнева важна и въ томъ еще отношеніи, что представляетъ довольно

говорится въ очень скромномъ подстрочномъ примѣчаніи), П. П. Семенова „Географическо-статистическій словарь Россійской имперіи“, I, 249 (гдѣ невниманіе къ памяти Дежнева доходитъ до того, что его великое открытіе ошибочно отнесено къ 1668 г.) и проч.

¹⁾ Напримѣръ, у Борнея: см. возраженія ему у Врангеля, 8—9, 11—12 Берха, 88—89.

²⁾ Дополн. Акт. Ист., IV, № 7, стр. 21, 25, 26.

³⁾ Сибирск. приказа столбецъ № 768, лл. 2—7.

полную автобіографію Дежнева, обнимающую время за 1638—1662 гг. Цѣнность этихъ свѣдѣній несомнѣнна уже по тому одному, что существующія въ литературѣ біографическія данныя о Дежневѣ касаются очень небольшого періода его жизни за 1647—1658 гг.

То же біографическое значеніе имѣютъ и другія найденныя мною въ томъ же Сибирскомъ приказѣ четыре челобитныхъ дѣла Дежнева: одно 1664 г. ¹⁾ и остальные три 1665 г. ²⁾. Какъ самыя челобитныя Дежнева, такъ и сопровождающіе ихъ документы („докладъ“ Сибирскаго приказа государю, „выписи“ приказа и Якутской съѣзжей избы, царскія грамоты и проч.) продолжаютъ свѣдѣнія о жизни Дежнева по 1665 г. включительно, сообщая въ то же время данныя и о болѣе раннемъ періодѣ его дѣятельности.

Сюда же относятся и двѣ отписки Якутскихъ воеводъ — 1656 и 1662 гг. ³⁾ — объ Анадырской службѣ Дежнева. Наконецъ, дѣло 1670—1671 гг. о вторичной поѣздкѣ Дежнева въ Москву съ Якутскою соболіною казною ⁴⁾ сообщаетъ наиболѣе позднее изъ собранныхъ мною извѣстій о Дежневѣ ⁵⁾.

Чтобы уяснить значеніе этихъ новыхъ матеріаловъ какъ для біографіи С. И. Дежнева, такъ особенно для исторіи его знаменитаго плаванія, необходимо напередъ познакомиться съ тѣмъ, что извѣстно о дѣятельности Дежнева по существующимъ въ нашей исторической литературѣ источникамъ. Нижеслѣдующій разказъ объ открытіи Дежнева я веду главнымъ образомъ на основаніи вышеуказанныхъ первоисточниковъ ⁶⁾ и разказа Миллера, пользовавшагося какъ этими, такъ и другими, оставшимися неизвѣстными намъ матеріалами.

¹⁾ Ibid., лл. 10—24.

²⁾ Ibid., столбецъ № 762, лл. 1—13.

³⁾ Ibid., столбецъ № 534.

⁴⁾ Ibid., столбецъ № 880.

⁵⁾ Возможно рассчитывать, что современемъ найдутся свѣдѣнія и о дальнейшей судьбѣ нашего мореплавателя—послѣ 1671 года.

⁶⁾ Дополн. Акт. Ист., IV, №№ 4—7, 30, 45, 47.

I.

Открытие Дежневскаго пролива (1647—1658 гг.).

(По старымъ даннымъ).

Честь открытія и описанія громаднаго побережья Сѣвернаго Ледовитаго океана на пространствѣ между Вѣлымъ моремъ и такъ-называемымъ Беринговымъ проливомъ всецѣло принадлежитъ русскимъ людямъ. Изученіе этого побережья, значительно подвинувшееся впередъ относительно западной его части съ половины XVI вѣка, усилилось особенно съ 1636 г., когда было положено начало знакомства русскихъ съ восточною частью Ледовитаго океана. Экспедиціями изъ Якутска, предпринимавшимися какъ по инициативѣ московской и мѣстной администраціи, такъ и по собственной предприимчивости сибирскихъ служилыхъ и промышленныхъ людей, постепенно были открыты впадающія въ океанъ рѣки Яна, Индигирка, Алазея и Колыма ¹⁾. Основанные тамъ зимовья и остроги явились опорными пунктами, откуда выходили предприимчивые изыскатели „Студенаго моря“, стремившіеся съ тѣхъ поръ преимущественно къ востоку отъ устьевъ рѣки Колымы. Первое плаваніе въ этомъ направленіи принято было въ 1646 г. мезенцомъ Исаемъ Игнатьевымъ, въ компаніи съ другими промышленными и служилыми людьми. Съ его легкой руки (онъ доходилъ до Чаунской губы) пошли и дальнѣйшія плаванія отважныхъ „мореходовъ“ въ ту же сторону. Въ слѣдующемъ году выступаетъ на сцену въ Нижне-Колымскомъ острогѣ и Семенъ Дежневъ.

Исай Игнатьевъ вернулся въ Нижне-Колымскъ съ большою новинкою: онъ привезъ добытую у прибрежныхъ чукчей цѣнную моржевую кость („рыбій зубъ“). Этотъ новый товаръ очень разлакомилъ собравшихся въ острогѣ торговыхъ и промышленныхъ людей, такъ что къ лѣту слѣдующаго года опять составилось товарищество съ цѣлью отправить новую экспедицію за „зубомъ“ и для отысканія рѣки Анадыря, о богатствѣ которой уже давно ходили слухи среди русскихъ. Во главѣ товарищества сталъ холмогорецъ Ѳеодотъ Алексѣевъ

¹⁾ Начало этимъ открытіямъ положилъ въ 1638—1639 гг. Енисейскій казачій десятникъ Елисей Буза, открывшій рѣку Яну (подробности см. въ „Сибирской исторіи“ Фишера, С.-Пб., 1774, 372—374; см. также вышеуказанныя сочиненія Миллера, Врангеля и др.

прикащикъ московскаго „гостя“ Алексѣя Усова. Правительственный „прикащикъ“ острога боярскій сынъ Василій Власевъ и „цѣловальникъ“ Кирилло Коткинъ, по просьбѣ Ѳедота Алексѣева (по словамъ Миллера), прикомандировали къ собравшейся экспедиціи Якутскаго казака Семена Иванова Дежнева, для надзора за „государевымъ“ интересомъ въ пути: онъ долженъ былъ (по данной ему „наказной памяти“) собирать „десятую“ и другія пошлыны съ добычи промышленныхъ людей, объясачить попутныхъ „иноземцевъ“ и проч.

Въ іюнѣ 1647 г. экспедиція вышла въ море изъ устья рѣки Колымы, на четырехъ „кочахъ“¹⁾, но скоро вернулась обратно, встрѣтивши непреодолимую преграду: въ то лѣто путь къ востоку оказался совершенно загроможденнымъ большими массами льдовъ.

Первая неудача не остановила, однако, дальнѣйшихъ попытокъ. Зимой вновь сформировалось еще болѣе многочисленное товарищество изъ промышленныхъ и служилыхъ людей, и къ лѣту 1648 г. было изготовлено 7 (по Миллеру) кочей. На каждомъ суднѣ было около 30 человекъ.

Кто былъ главою экспедиціи,—въ точности не извѣстно. Видно только, что надъ промышленными стоялъ тотъ же Ѳедотъ Алексѣевъ, а „начальными людьми“ у казаковъ были Семень Дежневъ и Герасимъ Анкудиновъ, не ладившіе между собою изъ-за споровъ о верховенствѣ. Повидимому, единоличной власти здѣсь не было, а ходомъ экспедиціи завѣдовали сообща эти три лица. Впослѣдствіи, какъ увидимъ, Алексѣевъ и Анкудиновъ сходятъ со сцены, и несомнѣннымъ и единственнымъ главою экспедиціи остается Дежневъ.

20-го іюня 1648 г. кочи вышли въ море. Въ это лѣто путь мимо сибирскихъ береговъ оказался чистымъ отъ льдовъ. Не извѣстно, гдѣ именно, но во всякомъ случаѣ раньше „Большаго Каменнаго носа“ четыре коча отдѣлились отъ трехъ остальныхъ. Куда первые направились и какова была ихъ дальнѣйшая судьба,—осталось не извѣстнымъ²⁾. Три же коча, на которыхъ находились Дежневъ, Алексѣевъ и Анкудиновъ, благополучно продолжали путь къ востоку и въ авгу-

¹⁾ „Кочи“ — плоскодонныя однопалубныя суда, около 12 сажень длины, ходившія греблемъ и подъ парусами.

²⁾ Впослѣдствіи ходили у чукчей слухи, будто эти четыре коча были занесены къ берегамъ сѣверной Америки. Въ 1779 г. старшина одного изъ Гвоздевскихъ острововъ разказывалъ, что на рѣкѣ Хеуверенъ (въ сѣверной Америкѣ) живутъ какіе-то неизвѣстные люди, похожіе своимъ обличеніемъ, платьемъ, языкомъ и обычаями на русскихъ (*Бергъ*, 89, 90).

стѣ стали поворачивать мимо Чукотскаго полуострова къ теперешнему Берингову проливу, въ который и вступили въ началѣ сентября.

Подробностей этого плаванія не сохранилось ни въ отписках Дежнева, ни въ другихъ источникахъ Миллера. Сохранившіеся двѣ отписки Дежнева (можетъ быть—не первыя его отписки къ Якутскимъ властямъ) относятся къ 1655 г. и касаются не столько морскаго похода Дежнева (о которомъ говорятъ лишь мимоходомъ), сколько положенія его на рѣкѣ Анадырь, его столкновений съ соперникомъ по Анадырской службѣ и поискамъ „новыхъ земель“ и „рыбьяго зуба“, Якутскимъ служилымъ человѣкомъ Михайломъ Стадухинымъ и проч. Если же были другія—первыя отписки Дежнева, то въ нихъ, вѣроятно, онъ далъ болѣе подробный отчетъ объ обстоятельствахъ своего плаванія до „Большаго Каменнаго носа“ (по догадкѣ Миллера—это Чукотскій носъ въ такъ-называемомъ Беринговомъ проливѣ). Въ напечатанныхъ же актахъ и въ разказахъ Миллера нѣкоторыя подробности плаванія становятся извѣстными начиная только съ этого пункта. Открытіе Большаго Каменнаго носа и Анадырской „корги“ (см. ниже) Стадухинъ и его спутники (попавшіе на рѣку Анадырь сухимъ путемъ изъ Нижне-Колымскаго острога) приписывали себѣ, а потому въ своихъ отпискахъ 1655 г. Дежневъ опровергаетъ ихъ показанія и для этого довольно подробно описываетъ Чукотскій носъ, какъ самый выдающійся географическій признакъ на своемъ морскомъ пути 1648 г.

Дежневское описаніе „Большаго Каменнаго носа“ довольно обстоятельно и вѣрно для человѣка, совершенно чуждаго географическихъ знаній, какимъ несомнѣнно былъ Дежневъ ¹⁾. Прежде всего, онъ замѣчаетъ, что это не тотъ „Святой носъ“, который лежитъ около „рѣки Чухочы“. Очевидно, онъ разумѣетъ подъ „Святымъ носомъ“ мысъ Чукоцій, лежащій на устьѣ рѣки Большой Чукочьей, около 60 верстъ къ сѣверо-западу отъ дельты рѣки Колымы. Еще западнѣе мыса Чукочаго есть мысъ Святой носъ (между рѣками Яной и

¹⁾ Эти, такъ сказать, „классическія мѣста“ Дежневскаго описанія Чукотскаго носа, въ связи съ замѣчаніями о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ плаванія до носа и дальше за нимъ см. въ Дополн. Акт. Ист., IV, № 7, 1 и 11 (2 отписки Дежнева), стр. 21, 25, 26. Особенно цѣнны подробности плаванія во второй отпискѣ Дежнева (стр. 25—26). Здѣсь же встрѣчаемъ и наиболѣе обстоятельное описаніе Большаго Каменнаго носа (стр. 26). Болѣе краткое описаніе этого носа находимъ въ первой отпискѣ (стр. 21), а также въ челобитной Дежневскаго сослуживца по рѣкѣ Анадыру Федота Ветошки (Ibid., № 6, стр. 15).

Индигиркой, противъ острововъ Ляховскихъ), но онъ сюда не подходитъ. Затѣмъ Дежневъ говоритъ о величинѣ Большаго Каменнаго носа, что онъ „вышелъ въ море гораздо далеко“, и очень вѣрно опредѣляетъ его направленіе: „а лежитъ тотъ носъ промежъ сиверъ и полуношникъ“ (то-есть, между сѣверомъ и востокомъ) и при томъ такъ, что „поворотитъ (заворачиваетъ) кругомъ къ Онандырѣ рѣкѣ подлегло“ (то-есть, не круто?...). Не забываетъ Дежневъ указать и разстояніе отъ описываемаго имъ носа до ближайшаго извѣстнаго ему географическаго пункта: онъ находитъ, что „добраго побѣгу“ моремъ (а также и сухимъ путемъ по берегу) отъ носа до рѣки Анадыра будетъ „трои сутки, а болѣ нѣтъ“. Чтобы еще точнѣе опредѣлить положеніе Большаго Каменнаго носа, Дежневъ описываетъ особую береговую „признаку“ его: съ западной стороны носа, говоритъ онъ, „вышла рѣчка“, впадающая здѣсь въ море, а на рѣчкѣ расположено „становье чухчей“, въ которомъ бросалось въ глаза какое-то укрѣпленіе, сдѣланное на подобіе „башни изъ кости китовой“. Наконецъ, Дежневъ до нѣкоторой степени описываетъ и населеніе носа: здѣсь, по его словамъ, „живутъ люди чухчи, добръ много“, а лежащіе противъ носа „острова“ (въ другомъ мѣстѣ—„два острова“) заселены особой породой чукчей, которыхъ „называютъ зубатыми, потому что пронимаютъ они сквозъ губу по два зуба не малыхъ костяныхъ“. Этыхъ „зубатыхъ людей“ Дежневъ съ товарищами видѣли около носа. Подъ „островами“ Дежневъ здѣсь разумѣетъ или островъ Св. Лаврентія (издали представляющійся, благодаря горамъ на немъ, въ видѣ нѣсколькихъ острововъ), или лежащіе въ Беринговомъ проливѣ острова Аракамчечень и Иттыгранъ (въ 50—70 верстахъ къ сѣверу отъ мыса Чукотскаго, у Азіатскихъ береговъ).

„Большой Каменный носъ“ остался въ памяти Дежнева не только по своей выдающейся величинѣ и другимъ топографическимъ признакамъ, но и потому особенно, что именно здѣсь, у носа, „разбило“ судно его спутника Герасима Анкудинова, такъ что „разбойныхъ людей“ (то-есть, разбившихся) съ этого судна пришлось „имать“ на остальные два коча. Не ладившій съ Дежневымъ Анкудиновъ перешелъ на кочъ Алексѣева. Это ли крушеніе, или недостатокъ пищи и воды заставили нашихъ путниковъ высадиться 20-го сентября на берегъ, гдѣ-то вблизи носа (пройдя его). Береговые чукчи приняли русскихъ непріязненно: произошло кровавое столкновеніе („драка“—по скромному выраженію Дежнева), во время котораго былъ раненъ Ѳеодотъ

Алексѣевъ. Главное начальство надъ обоими кочами перешло теперь въ руки Семена Дежнева.

Пройдя такимъ образомъ во второй половинѣ сентября 1648 г. проливъ, отдѣляющій Азію отъ Америки, и не подозревая нисколько о величій разрѣшенной имъ и его спутниками географической задачи, Дежневъ вступилъ въ Восточный океанъ и двинулся дальше, придерживаясь, несомнѣнно, ближе къ берегамъ Азіатскаго материка.

Совмѣстное плаваніе обоихъ кочей продолжалось недолго. Въ концѣ сентября начались сильныя бури, которыя и разлучили Дежнева съ кочемъ Алексѣева и Анкудинова. Дежневъ болѣе не встрѣчался съ ними. Впослѣдствіи, уже на рѣкѣ Анадырѣ, во время одного похода на коряковъ, Дежневъ „отгромилъ“ у нихъ „якутскую бабу Ѳедота Алексѣева“ (вѣроятно, бывшую съ нимъ на суднѣ), которая разказала, что Алексѣевъ и Герасимъ Анкудиновъ „померли цынгою“, а остальные товарищи ихъ большею частью побиты инородцами на берегу и только „остались не великіе люди“, которые „побѣжали въ лодкахъ съ одною душою“ (по нашему—съ голыми руками) невѣдомо куда ¹⁾).

Разлучась съ товарищами, Дежневъ очутился въ очень опасномъ положеніи: бури продолжались по-прежнему, а слабый кочъ, много потерпѣвшій отъ длинныхъ переходовъ, отказывался дальше служить. Рискованное положеніе Дежнева сдѣлалось почти безнадежнымъ особенно „послѣ Покрова Богородицы“ ²⁾, когда его кочъ носился по морю „всюда неволею“. Долго ли это продолжалось,—не извѣстно, но въ концѣ концовъ кочъ „выбросило на берегъ въ передней конецъ, за Анадырѣ рѣку“.

¹⁾ Дополн. Акт. Ист., IV, № 7, стр. 27. Существуютъ довольно вѣрныя доказательства того, что эта часть несчастныхъ спутниковъ Дежнева проникла, держась Камчатскихъ береговъ, до рѣки Камчатки, гдѣ они нѣкоторое время и жили. Память объ этихъ русскихъ первонаселенникахъ Камчатки была жива еще на полуостровѣ во время Владимира Атласова. Любопытно, что камчадалы вначалѣ смотрѣли на русскихъ, какъ на пришедшихъ невѣдомо откуда „боговъ“, которымъ-де человѣческая рука не можетъ причинить вреда. Но это счастливое для русскихъ заблужденіе было разсѣяно самими же русскими: камчадалы какъ-то замѣтили, что русскіе передрались между собою до крови. Съ тѣхъ поръ на русскихъ они стали смотрѣть, какъ на смертныхъ людей, перестали уважать и бояться и въ концѣ концовъ истребили ихъ, когда они, повидимому, собирались вернуться на рѣку Колыму (Миллеръ, 19—21).

²⁾ Миллеръ (стр. 12) противорѣчитъ прямому показанію отписки Дежнева (№ 7, стр. 25), когда говорить, что кочъ „носило по морю до октября“.

Гдѣ именно былъ выброшенъ Дежневъ,—трудно рѣшить. Миллеръ предполагалъ, что онъ потерпѣлъ крушеніе на Олюторскомъ берегу (въ Беринговомъ морѣ). Г. Пыпинъ въ своей недавней статьѣ заходитъ еще дальше: онъ говоритъ, что Дежневъ „обогнулъ мысъ Шелангскій и Чукотскій носъ и выплылъ въ Охотское море“¹⁾. Если это не обмолвка со стороны почтеннаго автора, то было бы крайне интересно узнать отъ него, на чемъ онъ основываетъ новый взглядъ на крайній предѣлъ Дежневскаго плаванія? По этому взгляду выходитъ, что Дежневъ открылъ не только такъ-называемый Беринговъ проливъ, но даже первымъ изъ русскихъ мореходовъ обошелъ весь полуостровъ Камчатку, открылъ Охотское море и т. д.

Какъ бы тамъ ни было, но Дежневъ, по его собственнымъ словамъ, былъ выброшенъ на берегъ „за Анадырь рѣку“, въ разстояніи „ровно десять недѣль“ пути отъ низовьевъ ея. Этотъ путь по гористой неизвѣстной мѣстности, безъ проводниковъ, при начавшихся снѣгахъ и морозахъ, пройденъ русскими съ невѣроятными лишеніями: шли эти несчастные 25 человекъ „холодны и голодны, наги и босы...“ Не имѣя никакихъ рыболовныхъ снастей, они не могли добывать рыбы, а лѣсовъ и звѣрей нигдѣ не встрѣчали. Мѣстное населеніе также не попадалось. Чѣмъ уже они питались,—Богъ ихъ вѣсть.... Придя на рѣку Анадырь „внизу близко моря“, говоритъ Дежневъ,—„съ голоду мы бѣдные врознь разбрелись“. Двѣнадцать человекъ отправились искать пищи и людей вверхъ по Анадыру. Ходили они двадцать дней и нигдѣ не встрѣтили ни людей, ни даже какихъ бы то ни было признаковъ человѣческаго жилья. Тронулись они опять назадъ, но не дойдя „3 днищъ“ до Дежневскаго „стана“ (гдѣ находились остальные тринадцать человекъ) окончательно изнемогли отъ голоду и „обночевались, почали въ снѣгу ямы копать“.. Только трое изъ нихъ кое-какъ добрались до стана. Посланная Дежневымъ помощь (онъ отправилъ замерзавшимъ „послѣднее свое постеленко и одѣялишко“ и проч.) „не нашла“ оставшихся тамъ девять человекъ: вѣроятно, они заблудились и замерзли. Затѣмъ погибло еще четыре человека, такъ что Дежневская партія уменьшилась до двѣнадцати человекъ.

Съ этими-то остатками растаявшей партіи Дежневъ кое-какъ презимовалъ на низовьяхъ Анадыря, а лѣтомъ слѣдующаго 1649 г., соорудивши лодки изъ выкинутого моремъ лѣса, двинулся вверхъ по

¹⁾ „Сибирь и ея изслѣдованія“ (*Вѣстн. Европы*, 1888, № 4), стр. 694.

рѣкъ и благополучно доплылъ до зимовьевъ „Анаульскихъ людей“, которыхъ удачно „погромилъ“ (при чемъ и самъ былъ раненъ „смертною раною“, но остался живъ) и взялъ съ нихъ ясакъ. Здѣсь-то (на среднемъ теченіи Анадыря) Дежневъ основалъ свое зимовье, впоследствии—Анадырскій „острогъ“, и сталъ помышлять если не о возвращеніи назадъ, то по крайней мѣрѣ о томъ, какъ бы подать вѣсть о себѣ на рѣку Колыму и получить оттуда помощь людьми и воинскими припасами. И того и другого у него было слишкомъ недостаточно для борьбы съ окружавшими его довольно воинственными племенами чукчей.

Однако, все лѣто и зиму 1649 г. Дежневъ провелъ на рѣкѣ Анадырѣ одинъ со своими спутниками по морскому плаванію и только весною 1650 г. (23-го апрѣля) былъ порадованъ неожиданнымъ прибытіемъ къ нему партіи русскихъ, подъ предводительствомъ Семена Моторы, добравшагося изъ Нижне-Колымскаго острога до Дежневскаго зимовья сухимъ путемъ, чрезъ рѣку Аною и горы. Вслѣдъ за Моторою прибыла и другая партія, подъ начальствомъ Михаила Стадухина. Лѣтомъ 1649 г. послѣдній пробовалъ идти по морскому пути Дежнева, но неудачно, такъ что долженъ былъ вернуться назадъ на Колыму, а въ 1650 г. избралъ болѣе легкую сухопутную дорогу на Анадырь¹⁾. Позже явилась на Анадырь еще одна партія русскихъ—Юрія Селиверстова.

Не буду распространяться о дальнѣйшей анадырской службѣ Дежнева²⁾. Отмѣчу только главнѣйшія событія.

Дежневъ пробылъ на рѣкѣ Анадырѣ до 1656 г. (по крайней мѣрѣ, этимъ годомъ заканчиваются извѣстія актовъ о его Анадырской службѣ). Съ Семеномъ Моторою Дежневъ не только поладилъ и со-

¹⁾ См. отписку Мих. Стадухина (гдѣ онъ ни слова не упоминаетъ о Дежневѣ) 1658 г. (Д. А. И., IV, № 47).

²⁾ Интересныя подробности объ этой службѣ Дежнева см. въ Д. А. И. №№ 4—7, 30, 45 и 47. Эти документы цѣнны также для характеристики личности Дежнева и его сотрудниковъ по морской экспедиціи и Анадырскому походу, для обрисовки ихъ взаимныхъ отношеній, взглядовъ на „государеву службу“ и проч. Для примѣра приведу одинъ любопытный эпизодъ, о которомъ разказываетъ Дежневъ во второй своей отпискѣ Якутскимъ воеводамъ: въ 1653 г. промысленный человѣкъ Терешка Никитинъ билъ челомъ Дежневу на служилого человѣка Евсейку Павлова „въ обидѣ“. Дежневъ началъ разбирать это дѣло, и Евсей „сталъ на суду говорить невѣжливо — о посохѣ оперся, и я Семейка (Дежневъ) за то невѣжество хотѣлъ его Евсейку ударить батою“, но Евсей „изъ стана“ убѣжалъ и присталъ къ другой партіи (№ 7, 11, стр. 27).

единился съ нимъ, но даже нѣсколько подчинился ему, такъ какъ Мотора дѣйствовалъ по „наказной памяти“ отъ Колымскихъ властей. Послѣ же убійства Моторы анаулцами въ 1652 г., власть надъ обоими соединенными отрядами всецѣло перешла въ руки Дежнева, по челобитью самихъ служилыхъ и промышленныхъ людей этихъ отрядовъ. Не таковы были отношенія къ Юрію Селиверстову и, особенно, къ М. Стадухину. Правда, съ Селиверстовымъ въ концѣ концовъ Дежневъ все-таки примирился и дѣйствовалъ дальше сообща съ нимъ, но отношенія къ Стадухину до конца пребывания Дежнева на Анадырѣ оставались рѣшительно непріязненными и нерѣдко доходили до открытыхъ и кровавыхъ столкновеній изъ-за споровъ о власти надъ русскими и ясачными людьми, изъ-за корыстолюбиваго соперничества по промысламъ, сбору ясака и проч. Въ 1651 г. дѣло доходило до того, что Дежневъ и Мотора убѣгали отъ Стадухина къ рѣкѣ Пенжинѣ (впадающей въ Охотское море), до которой, однако, не дошли. Особенно же разгорѣлось соперничество всѣхъ этихъ партій съ 1652 года, когда Дежневъ открылъ на устьѣ р. Анадыра „коргу“ (отмель), на которой собирались стада моржей и здѣсь теряли цѣнную свою кость— „рыбей зубъ“. Дежневъ нашелъ обширныя „старыя“ залежи этого „заморнаго зуба“, а затѣмъ сталъ и „звѣря промыслять“ для добычи той же кости. Сюда же устремились и другія партіи русскихъ людей, каждая приписывая себѣ честь открытія этой „корги“ и отстаивая свои права на исключительную разработку богатой добычи.

Помимо этого соперничества, Дежневу не мало приходилось бороться съ инородцами, „громить“ ихъ острожки и зимовья, брать у нихъ атамановъ, взимать ясакъ и проч. Не мало было ему возни и по управленію своевольными, крайне не дисциплинированными русскими людьми своей партіи. Они плохо слушались Дежнева, вѣроятно, подражая самому Дежневу, который съ своей стороны не охотно подчинялся приказамъ Колымскихъ и Якутскихъ властей. Главное зло заключалось въ томъ, что русскіе служилые и промышленные люди постоянно перебѣгали изъ одной партіи въ другую. Къ этому нужно присоединить вообще тяжелое положеніе среди дикой, непривѣтливой природы, вдали отъ привычныхъ условий жизни и отъ своихъ близкихъ людей. Не мудрено, что русскіе здѣсь до того дичали, что послѣ долгихъ лѣтъ такой жизни не охотно возвращались въ болѣе культурные центры сибирской жизни, подъ строгій режимъ русскихъ служилыхъ отношеній XVII вѣка.

Въ 1653 г. Дежневъ замышлялъ отправить моремъ собранную имъ государеву казну (моржевую кость и мягкую рухлядь), то-есть, тѣмъ путемъ, по которому онъ самъ пробрался на р. Анадырь. Однако, онъ побоялся рисковать казною, зная, что то „море большое и сулои великіе о землю близко“, при томъ же „иноземцы говорятъ: не по вся-де годы льды отъ береговъ относить въ море“... Судно уже было построено, но „безъ доброй снасти судовой и безъ доброго паруса и якоря“, Дежневъ идти не посмѣлъ, а казну отправилъ сухимъ путемъ ¹⁾. Позже и Юрій Селиверстовъ помышлялъ о морскомъ провозѣ въ Якутскъ государственной казны съ р. Анадыря, но также въ концѣ концовъ не рѣшился пуститься въ этотъ рискованный Дежневскій путь ²⁾.

Въ 1656 г. Дежневъ находился еще на р. Анадырь. Объ этомъ свидѣтельствуетъ данный Якутскими воеводами „наказъ“ стрѣльцкому и казачьему сотнику Амосу Михайлову,—первому правительственному „прикащику“, посланному на Анадырь, съ 30 служилыми людьми ³⁾. Онъ долженъ былъ „рописатца“ съ Дежневымъ, Никитою Семеновымъ (товарищъ Дежнева по Анадырской службѣ) и Юр. Селиверстовымъ, то-есть, принять отъ нихъ зимовья, служилыхъ людей, аманатовъ, государеву казну, воинскіе и др. припасы, документы и проч. Главное вниманіе наказа обращено на пріемъ отъ Анадырскихъ начальныхъ людей собранной ими моржевой кости и на дальнѣйшую добычу этого цѣннаго продукта. Якутскія власти, повидимому, подозрѣвали Дежнева съ товарищами въ злоупотребленіяхъ по сбору этой кости, въ утайкѣ ея и проч., а потому предписали Михайлову выслать въ Якутскъ Дежнева, Семенова и Селиверстова, а находившихся въ ихъ партіяхъ служилыхъ людей „ни на какіе государевы службы не посылать“, пользоваться же для этого только вновь посланными съ Михайловымъ Якутскими казаками. О Дежневѣ съ товарищи (а также и Стадухинѣ) велѣно Михайлову произвести строгій „розыскъ“, какъ по взаимнымъ ихъ челобитнымъ другъ на друга, такъ и вообще розыскать о всей ихъ дѣятельности на р. Анадырь.

Былъ ли Дежневъ съ товарищами высланъ Михайловымъ въ Якутскъ, или добровольно поѣхалъ туда, какъ отнеслись къ нему Якутскіе

¹⁾ Доп. Ак. Ист., IV, № 7, с. 20.

²⁾ Ibid., № 5, с. 10.

³⁾ Ibid., № 30.

воеводы, къ чему привелъ „розыскъ“ Михайлова,—на все это нѣтъ отвѣта въ напечатанныхъ актахъ. Последнее упоминаніе о Дежневѣ въ этихъ актахъ встрѣчаемъ въ царской грамотѣ Якутскимъ воеводамъ 1658 г. ¹⁾ Здѣсь говорится объ открытіи Дежневымъ моржевой кости и о количествѣ ея добычи у Дежнева, а затѣмъ дѣлаются предписанія относительно условій дальнѣйшей добычи кости „служилыми и всякими охочими людьми“, опредѣляется ея цѣна при обязательной сдачѣ кости въ государеву казну, „десятая“ и другіе пошлинные сборы съ добычи и проч.

Этимъ заканчиваются всѣ извѣстія нашей исторической литературы о жизни и дѣятельности Дежнева.

Въ заключеніе приведу имена нѣкоторыхъ спутниковъ Дежнева по его морскому плаванію изъ Нижне-Колымскаго острога до береговъ Берингова моря. Имена этихъ лицъ (извлеченныя изъ тѣхъ же напечатанныхъ актовъ), мнѣ кажется, необходимо сохранить въ виду важности того событія, въ которомъ они участвовали подъ руководствомъ Дежнева.

Изъ ближайшихъ къ Дежневу лицъ сохранилось имя одного лишь „цѣловальника“ государственной казны въ партіи Дежнева: это былъ служилый человѣкъ Иванъ Пуляевъ, убитый впоследствии инородцами на р. Анадырь и завѣщавшій свои не малочисленные „статки“ (достатки, имущество) „въ государеву казну“ ²⁾. Сохранились имена еще двухъ служилыхъ людей, отличившихся большою храбростью въ бояхъ съ Анадырскими инородцами—Павла Васильева Коккоулина и Артемья Ѳедотова Салдата (Салдатко). Они принадлежали къ тѣмъ „охочимъ служилымъ людямъ“, которые сами говорили о себѣ въ одной изъ челобитныхъ царю, что они „служатъ съ травы и съ воды, безъ твоего государева жалованья“ ³⁾.

Затѣмъ, нужно упомянуть о двухъ прикащикахъ московскаго „гостя“ Василя Гусельникова (очевидно, на средства этого Гусельникова отчасти снаряжалась Дежневская экспедиція, но самъ гость въ ней не участвовалъ), Безсонъ Астафьевъ и Афанасъ Андреевъ и объ ихъ „покрученикѣ“, мезенцѣ Елфимѣ Меркурьевѣ. Изъ промышленныхъ людей еще упоминается 6 человѣкъ: пермякъ Ѳома Семеновъ, устю-

¹⁾ Ibid., № 45.

²⁾ Интересенъ подробный перечень этихъ „статковъ“, говорящихъ о немаломъ для того времени достаткѣ Дежневскихъ спутниковъ (ibid., № 7, с. 23).

³⁾ Ibid., № 4, с. 9.

жанинъ Сидоръ Емельяновъ, Иванъ Зырянинъ, Терентій Никитинъ Курсовъ, Михаилъ Захаровъ и Петръ Михайловъ. Встрѣчаются и другія имена, но уже Анадырскихъ сотрудниковъ Дежнева, то-есть тѣхъ, которые переходили къ нему изъ партій Моторы, Стадухина и Селиверстова.

II.

Новыя данныя объ открытіи Дежнева (1648 г.).

Мы уже видѣли, что свѣдѣнія нашей литературы о Дежневѣ заканчиваются 1658 годомъ и о дальнѣйшей судьбѣ его ничего не извѣстно. Врангель (по слѣдамъ Миллера оканчивающій свой разказъ о Дежневѣ 1654 годомъ) сожалѣетъ по поводу отсутствія свѣдѣній о томъ, „возвратился-ли Дежневъ въ свою отчизну, или сдѣлался жертвою своей смѣлости“ (см. стр. 15—16). Теперь, на основаніи найденныхъ въ Сибирскомъ приказѣ документовъ, можно возстановить дальнѣйшую жизнь нашего смѣлаго морехода до 1671 г. включительно. Оказывается, что Дежневъ не только уцѣлѣлъ и вернулся съ р. Анадыра въ свою „отчизну“, но даже успѣлъ побывать въ Москвѣ, гдѣ былъ достаточно награжденъ правительствомъ за свою Анадырскую службу.

Главное значеніе этихъ новыхъ документовъ прежде всего въ томъ, что они говорятъ не только о самой побѣздкѣ Дежнева въ Москву и о дальнѣйшей его службѣ, но и кромѣ того сообщаютъ нѣсколько новыхъ и любопытныхъ данныхъ о прежней службѣ Дежнева. Прежде всего остановимся надъ тѣми данными, которыя говорятъ о самой важной сторонѣ предыдущей дѣятельности Дежнева—объ открытіи имъ въ 1648 г. такъ называемаго Берингова пролива. Эти свѣдѣнія находимъ въ первыхъ двухъ челобитныхъ Дежнева, поданныхъ имъ въ іюль 1662 г. въ Якутскѣ ¹⁾ и въ сентябрѣ 1664 г. въ Москвѣ ²⁾. Именно здѣсь заключаются тѣ слова Дежнева, послѣ которыхъ не остается никакихъ сомнѣній въ томъ, что онъ прошелъ весь Беринговъ проливъ. Чтобы понять все значеніе этого яснаго показанія Дежнева, вернемся нѣсколько назадъ, припомнимъ тотъ темный разказъ Дежнева о плаваніи ³⁾, на которомъ основали свои выводы Миллеръ и его послѣдователи.

¹⁾ Сибир. приказа столбецъ № 768, лл. 2—7. См. *Приложеніе I-е*.

²⁾ Ibid. л. л. 10—11. См. *Приложеніе II-е*.

³⁾ Доп. Акт. Ист., IV, № 7, сс. 21, 25, 26.

Вся сущность этого разказа Дежнева (въ отпискахъ 1655 года Якутскимъ воеводамъ) заключается въ томъ, что, выйдя въ 1648 г. изъ устья р. Колымы, кочи Дежнева и его спутниковъ шли моремъ мимо „Большаго Каменнаго носа“, пройдя который кочь Дежнева „выбросило на берегъ въ передній конецъ, за Анандырь рѣку“, куда Дежневъ пробрался затѣмъ уже сухимъ путемъ, послѣ „10 недѣль“ крайне тяжелаго пути.

Такимъ образомъ единственнымъ географическимъ признакомъ на Дежневскомъ пути является этотъ „Большой Каменный носъ“. Весь вопросъ именно въ немъ: что соответствуетъ этому „носу“ на нашихъ картахъ? Можно ли подъ нимъ разумѣть мысы Восточный или Чукотскій, лежащіе въ самомъ Беринговомъ проливѣ, на Азиатскомъ берегу его (первый на сѣверѣ, второй на югѣ пролива)? Или же это мысы Чаунскій и Шелагскій, расположенные на побережьѣ Ледовитаго океана, въ недалекомъ разстояніи (первый около 300 верстъ, второй около 350 верстъ) отъ устья р. Колымы (Колымы)? Или это другіе мысы, лежащіе дальше къ востоку отъ м. Шелагскаго — по сѣверному побережью Чукотскаго полуострова (м. м. Кекуриный, Сѣверный (противъ острова „Земля Врангеля“), Ванкарема, Сердце-Камень и др. болѣе мелкіе)?

Если „Большой Каменный носъ“ Дежнева есть м. Чукотскій, значитъ, Дежневъ дѣйствительно прошелъ весь проливъ. Если это мысъ Восточный, — Дежневъ былъ только у выхода пролива въ Ледовитый океанъ. Если это мысъ Чаунскій, или мысъ Шелагскій, или другіе мысы, лежащіе къ востоку отъ послѣдняго, следовательно, Дежневъ и не доходилъ до пролива...

Вотъ какое обширное поле для догадокъ, взаимно исключающихъ одна другую, представляетъ показаніе Дежнева, открытое Миллеромъ. Не мудрено поэтому, что если Миллеръ какимъ-то чутьемъ угадалъ въ „Большомъ Каменномъ носѣ“ Дежнева именно мысъ Чукотскій и многихъ заставилъ повѣрить своему чутью, то другіе историки не пошли за нимъ, не повѣрили его догадкѣ... Такъ, Словцовъ (а у него было и есть не мало послѣдователей) увидѣлъ въ спорномъ „носу“ Дежнева не болѣе какъ мысъ Чаунскій, или много-много мысъ Шелагскій, то-есть, отвергъ всякую мысль о проходѣ Дежневымъ такъ называемаго Берингова пролива.

Какъ же разказываетъ Дежневъ о своемъ морскомъ плаваніи

¹⁾ „Истор. Обзор. Сибири“ (изд. 1886 г.), I, 67—68.

1648 г. въ открытой мною первой челобитной его 1662 г.?—Разказъ, хотя очень краткій, но совершенно ясный и вполне подтверждающій догадку Миллера... Привожу это цѣнное мѣсто челобитной въ подлинникѣ.

Послѣ одного похода Дежнева на „юкагирскихъ мужиковъ“ изъ Ковымскаго острожка „торговые и промышленные люди били челомъ тебѣ, великому государю, а на Ковымѣ рѣкѣ (то-есть, въ острожкѣ) таможенному цѣловальнику Петру Новоселову подали челобитную, чтобъ ихъ торговыхъ и промышленныхъ людей, Ѳедота Алексѣева съ товарищи, отпустили по твоему государеву указу на новую на Анандырь рѣку и на иные на сторонныя рѣки, для прииску новыхъ не ясачныхъ людей, гдѣ-бъ тебѣ, великому государю, мочно было въ ясачномъ сборѣ прибыль учинить. А обо мнѣ, холопѣ твоемъ Семейкѣ, тѣмъ торговые и промышленные люди били жъ челомъ, чтобъ мнѣ холопу твоему идти съ ними вмѣстѣ для твоего государева ясачного збору, и для прииску новыхъ не ясачныхъ людей, и для твоихъ государевыхъ всякихъ дѣлъ“ (л. л. 5—6).

„И я, холопъ твой, съ ними торговыми и промышленными людьми шли моремъ, на шти кочахъ, девяносто человѣкъ, и прошедъ Анандырское устье, судомъ Божиимъ тѣмъ наши всѣ кочи море разбило, и тѣхъ торговыхъ и промышленныхъ людей отъ того морского разбою на морѣ пот(он)уло и на тундрѣ отъ иноземцевъ побитыхъ (sic), а иные голодною смертию померли, итого всѣхъ изгибло 64 человѣки“ (л. 6).

„А я, холопъ твой, отъ тѣхъ товарищей своихъ остался всего дватцатью четырьмя человѣки, и тѣхъ товарищей моихъ зимнимъ путемъ на лыжахъ, съ нартъ,—со стыди (т.-е. студа, стужи) и зъ голоду и со всякой нужи, не дошелъ Анандыря рѣки, дорогою илучи 12 человѣкъ безвѣстно не стало. А я холопъ твой на Анандырь рѣку доволокъ, всего двѣнадцатью человѣки“ (л. 6).

Вотъ и весь разказъ Дежнева о его знаменитомъ морскомъ плаваніи! Вся сущность его въ томъ, что кочи Дежнева и его товарищей, выйдя изъ рѣки Ковымы, „шли моремъ“ и „прошедъ Анандырское устье“, потерпѣли на морѣ крушеніе, во время котораго спаслось на берегъ 24 человѣка и изъ нихъ 12 человѣкъ „доволоклись“ на рѣку Анадырь, съ Дежневымъ во главѣ.

Для всякаго хотя немного знакомаго съ картою разсматриваемой мѣстности вполне ясно, что, идя моремъ съ рѣки Ковымы, можно попасть на рѣку Анадырь (пройти мимо его устья) только единственнымъ путемъ—черезъ такъ-называемый Беринговъ проливъ. Слѣдова-

тельно, никаких сомнѣній нѣтъ, что этотъ проливъ въ 1648 году открытъ Семеновъ Ивановымъ Дежневымъ.

Что именно онъ былъ главою экспедиціи, теперь нѣтъ никакихъ сомнѣній. Промышленные люди Ѳедотъ Алексѣевъ съ товарищи, снарядившіе экспедицію какъ въ своихъ интересахъ, такъ и для того, чтобы „великому государю мочно было въ ясачномъ сборѣ прибыль учинить“, били челомъ таможенному цѣловальнику Ковымскаго острожка Петру Новоселову, чтобы служилой человѣкъ того же острожка Семень Дежневъ былъ отпущенъ съ ними „для государевыхъ всякихъ дѣлъ“, то-есть, именно въ качествѣ „приказнаго человѣка“, вѣдавшего въ экспедиціи „государево дѣло“. Кто знаетъ, какъ ревниво въ XVII вѣкѣ „государево дѣло“ ставилось всегда выше „челобитчиковыхъ дѣлъ“ (интересовъ частныхъ лицъ), тотъ пойметъ, что и въ экспедиціи промышленнаго человѣка Ѳедота Алексѣева представитель правительственной власти не могъ играть второй роли. А съ другой стороны, какъ изъ первой челобитной Дежнева 1662 года, такъ особенно изъ второй его челобитной 1664 года, мы узнаемъ, что онъ былъ заинтересованъ и въ промышленной сторонѣ экспедиціи; слѣдовательно, Ѳедотъ Алексѣевъ не былъ единственнымъ представителемъ частныхъ интересовъ экспедиціи. „А поднимался я,—говоритъ Дежневъ во второй челобитной,—на ту твою, великого государя, службу, на тѣ новые рѣки своими деньгами и своими подъемами...“ Что эти „подъемы“ обозначаютъ не одно только снаряженіе самого Дежнева въ путь, но нѣчто большее (снаряженіе коча, наемъ „покручениковъ“ для промысловъ и т. п.), объ этомъ говоритъ слѣдующая фраза той же челобитной: Дежневъ утверждаетъ, что онъ „отъ морского разбою (крушенія кочей) обнищаль и обдолжалъ великими некупными долги“.

Собственно о морскомъ плаваніи вторая челобитная Дежнева говоритъ еще короче первой, но смыслъ и этого краткаго упоминанія тотъ же самый: „съ Ковымы рѣки поднялся я, холопъ твой, моремъ—проводывать новыхъ рѣкъ, и приискалъ вновь, сверхъ тѣхъ прежнихъ рѣкъ, новую рѣку Анандыръ...“ Такимъ образомъ, и здѣсь Дежневъ говоритъ, что, идя съ рѣки Ковымы моремъ, онъ дошелъ до рѣки Анадыра. Послѣ этихъ двухъ новыхъ показаній Дежнева о его морскомъ плаваніи становится яснымъ и то старое показаніе его (въ отпискѣ 1655 года), казавшееся темнымъ, гдѣ онъ говоритъ, что его кочъ „выбросило на берегъ въ передней конецъ, за Анандыръ рѣку“. Выращеніе „за Анандыръ“ вполне соотвѣтствуетъ тому факту, сообщен-

ному въ первой челобитной, что крушеніе произошло „прошедъ Анадырское устье“. „Переднимъ концомъ“ Дежневъ, очевидно, называетъ побережья Анадырскаго залива, или вообще Берингова моря, лежащія къ югу отъ устья рѣки Анадыра — впереди (по представленію Дежнева) этой рѣки.

Такимъ образомъ, о мѣстѣ крушенія Дежневскаго коча согласно говорятъ и старые и новые источники, что оно произошло ниже устья рѣки Анадыра. Но противорѣчіе видимъ въ томъ, что по первой челобитной Дежнева „всѣ кочи ¹⁾ море разбило“ именно „прошедъ Анадырское устье“, а по Миллеру (и его источникамъ) выходитъ нѣсколько аварий и въ разныхъ мѣстахъ: 3 коча отдѣлились отъ Дежнева раньше „Большаго Каменнаго носа“, кочъ Анкудинова разбился у самого носа, кочъ Алексѣева отдѣлился отъ Дежневскаго гдѣ-то за носомъ, наконецъ, Дежневскій кочъ выбросило гдѣ-то на берегъ „за Анадырь рѣку“.

Однако, это противорѣчіе — кажущееся. Въ первой своей челобитной Дежневъ отбрасываетъ всѣ подробности морскаго плаванія и говоритъ о немъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ. Мы знаемъ, почему онъ довольно подробно останавливается надъ плаваніемъ въ своихъ отпискахъ Якутскимъ воеводамъ 1655 года: тамъ эти подробности направлены противъ лживыхъ увѣреній Михайла Стадухина, покушавшагося на честь открытія Дежневымъ „моржевой корги“ и „Большаго Каменнаго носа“. Въ челобитной же 1662 года Дежневъ нигдѣ не поднимаетъ этого стараго для него вопроса о притязаніяхъ Стадухина на Дежневскія открытія (вѣроятно, именно потому и не поднимаетъ, что къ 1662 году домогательства Стадухина прекратились). О морскомъ плаваніи 1648 года онъ говоритъ только потому, что поставилъ задачею челобитной — разказать царю о своей долготѣйшей службѣ ему, чтобы доказать права на полученіе „государева жалованья“ за эту службу. Эпизоду морскаго плаванія Дежневъ посвящаетъ не болѣе строкъ (если не менѣе), чѣмъ любому изъ другихъ эпизодовъ своей боевой и „землепроходной“ дѣятельности.

Коротко разказывая о своемъ плаваніи 1648 года, Дежневъ счелъ необходимымъ упомянуть и о самомъ крупномъ фактѣ его — о полной

¹⁾ Дежневъ ясно говоритъ о „шти“ кочахъ, а Миллеръ насчитываетъ ихъ семь. Предпочтеніе слѣдуетъ отдать, конечно, Дежневу, такъ какъ Миллеръ могъ смѣшать (въ своихъ источникахъ) иногда трудно различимыя славянскія цифры 6 и 7 (ѣ и ѓ).

гибели „всѣхъ кочей“. Въ короткомъ разказѣ онъ не находилъ возможнымъ пускаться въ подробности и точно указывать время и мѣсто крушенія каждаго коча. Эти подробности увлекли бы его слишкомъ далеко и увеличили бы размѣры и безъ того длинной челобитной.

Итакъ, я полагаю, что эти два факта: „прошедъ Анадырское устье—судомъ Божиимъ тѣ наши всѣ кочи море разбило“—не имѣютъ между собою хронологической связи, а очутились рядомъ совершенно случайно, по волѣ автора челобитной.

Если же настаивать на связи этихъ двухъ фактовъ и именно въ той послѣдовательности времени, какъ они стоятъ у автора, тогда нельзя ли поискать „Большаго Каменнаго носа“ не въ Беринговомъ проливѣ, а въ другомъ мѣстѣ—„прошедъ Анадырское устье?“... Въ самомъ дѣлѣ, если Миллеръ ошибся, если подъ „Большимъ Каменнымъ носомъ“ нельзя разумѣть мыса Чукотскаго, лежащаго въ Беринговомъ проливѣ, тогда этотъ носъ слѣдуетъ искать къ югу отъ устья рѣки Анадыра, по побережью Берингова или даже Камчатскаго морей. Недостатка въ мысахъ здѣсь нѣтъ, но подходящий мысъ трудно найти. Ближайшіе къ Анадырскому заливу мысы Берингова моря—Оаддея (въ 200 верстахъ къ юго-востоку отъ Анадырской губы), Наваринъ (около 50 верстъ къ югу отъ предыдущаго), Оцукинскій (около 200 верстъ къ югу отъ Наварина) и Олюторскій (около 300 верстъ къ югу отъ предыдущаго)—не подходятъ къ Большому Каменному носу Дежнева уже по тому одному, что противъ этихъ четырехъ мысовъ нѣтъ никакихъ острововъ. Острова лежатъ противъ слѣдующихъ двухъ мысовъ, находящихся южнѣе мыса Олюторскаго и уже въ Камчатскомъ морѣ: противъ мыса Говенскаго (у начала Камчатскаго моря, въ 200 верстахъ къ югу отъ мыса Олюторскаго) въ 100 верстахъ къ югу лежитъ у Камчатскихъ береговъ островъ Карагинскій, да и самыя гористыя берега Камчатки около этого острова (въ 50 верстахъ къ западу отъ него и въ 100 верстахъ къ югу) могутъ быть приняты издали за острова. Другой подходящий мысъ—Столбовой (вблизи залива рѣки Камчатки, около 370 верстъ къ югу отъ мыса Говенскаго), противъ котораго, въ 200 верстахъ къ востоку, лежатъ острова Командорскіе. Но такъ какъ мысы Говенскій и Столбовой только по нахожденію вблизи нихъ острововъ подходятъ къ Большому Каменному носу, а въ другихъ отношеніяхъ не выдерживаютъ Дежневскаго описанія носа (уже одно разстояніе ихъ отъ Анадырской губы—перваго мыса около 700 верстъ, втораго болѣе 1000 верстъ—не соответствуетъ „тремъ суткамъ“ пути отъ Дежневскаго „носа“ до рѣки Анадыра), слѣдова-

тельно, и эти мысы нельзя признать за искомый „Большой Каменный носъ“. Другихъ же крупныхъ мысовъ и пѣтъ на разсматриваемомъ океанскомъ побережѣ.

При томъ же не нужно забывать, что собственно на этомъ побережѣ и нельзя искать Большаго Каменнаго носа, такъ какъ, судя по Дежневскому описанію его (въ отпискахъ Якутскимъ воеводамъ 1655 года), носъ находится на пути между рѣками Ковымой и Анадыромъ, а не за рѣкою Анадыромъ. Въ второй своей отпискѣ Дежневъ прямо говоритъ: „а съ Ковымы рѣки итти моремъ на Анадырь рѣку есть носъ“—именно „Большой Каменный“.

Итакъ, догадка Миллера, что подъ „Большимъ Каменнымъ носомъ“ должно разумѣть именно мысъ Чукотскій въ Беринговомъ проливѣ, остается во всей своей силѣ... Относительно же вышеуказаннаго кажущагося противорѣчія между старыми и новыми данными о мѣстѣ и времени крушенія кочей Дежневской экспедиціи—продолжаю настаивать, что никакого противорѣчія здѣсь нѣтъ, и повторю, что въ короткомъ разказѣ первой своей челобитной Дежневъ не имѣлъ возможности устанавливать отдѣльно моменты крушенія каждаго изъ шести кочей. Онъ огульно смѣшиваетъ вмѣстѣ всѣ отдѣльныя крушенія подобно тому, какъ нѣсколькими строками ниже также огульно подсчитываетъ общую цифру погибшихъ людей его партіи (64 человека), хотя самъ же говоритъ, что они погибли въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время: одни потонули на морѣ, другіе на тундрѣ побиты „иноземцами“, третьи „голодною смертію померли“. И при такомъ огульномъ смѣшеніи всѣхъ крушеній нельзя ставить ихъ въ связь съ фразою „прошедъ Анадырское устье“. О „Большомъ Каменномъ носѣ“ Дежневъ ни разу не упоминаетъ въ своей первой челобитной; слѣдовательно, въ самой челобитной не находимъ никакого противорѣчія, а остается ясный разказъ Дежнева о томъ какъ его кочи, выйдя изъ устья рѣки Ковымы, шли моремъ и „прошли Анадырское устье“ и проч. Въ рамкахъ этого короткаго разказа должны быть размѣщены подробности плаванія, извѣстныя по другимъ источникамъ.

Изъ другихъ новыхъ данныхъ первой челобитной о знаменитомъ плаваніи Дежнева прежде всего заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что инициаторомъ этого плаванія былъ торговый человекъ Федотъ Алексѣевъ, тотъ самый, который, по словамъ Миллера, стоялъ во

главѣ промышленныхъ людей, задумавшихъ экспедицію 1647 года, кончившуюся неудачно. Какъ передъ этой экспедиціей, такъ и передъ второю знаменитой экспедиціей 1648 года, Ѳедотъ Алексѣевъ просилъ Ковымскихъ властей объ отпускѣ съ нимъ Дежнева въ качествѣ правительственнаго агента. При такихъ, очевидно, близкихъ отношеніяхъ Дежнева къ Алексѣеву естественно предполагать, что инициатива предпріятія принадлежала Алексѣеву совмѣстно съ Дежневымъ. Дежневъ не принялъ бы такого дѣятельнаго участія въ плаваніи, еслибы не сочувствовалъ планамъ Алексѣева и не участвовалъ въ ихъ разработкѣ.

Слѣдуетъ, затѣмъ, отмѣтить Петра Новоселова, таможеннаго цѣловальника Ковымскаго острожка, разрѣшившаго (вѣроятно, за отсутствіемъ въ острожкѣ „приказнаго“ Дмитрія Михайлова) плаваніе Алексѣеву, Дежневу и остальнымъ служилымъ и промышленнымъ людямъ. Дежневъ въ первой челобитной точно устанавливаетъ неизвѣстное доселѣ количество участниковъ экспедиціи. Оказывается, что изъ Ковымскаго острожка вышло на шести кочахъ 90 человѣкъ. Изъ нихъ 64 человѣка ¹⁾ погибли до высадки Дежнева на берегъ послѣ крушенія его коча, съ Дежневымъ же спаслось 24 человѣка. Изъ послѣднихъ—12 человѣкъ погибли отъ голода и морозовъ „не дошедъ Анадыря рѣки“, всего же „доволоклось“ на эту рѣку 12 человѣкъ.

Вотъ и всѣ свѣдѣнія объ открытіи Дежнева, какія можно извлечь изъ первыхъ двухъ челобитныхъ его 1662 и 1664 годовъ, свѣдѣнія—слишкомъ отрывочныя и неполныя... Любопытно, что въ слѣдующей своей челобитной—13-го февраля 1665 года ²⁾—Дежневъ уже ни однимъ словомъ не упоминаетъ о своемъ знаменитомъ плаваніи! Якутскіе воеводы въ своихъ отпискахъ царю если и говорятъ о Дежневѣ, то только по поводу его Анадырской службы и, особенно, открытой имъ „моржевой корги“. О плаваніи же 1648 года нигдѣ они не упоминаютъ. Точно такъ-же и центральная московская администрація не обратила никакого вниманія на важное географическое открытіе Дежнева: ни царская грамота 1658 года Якутскимъ воеводамъ ³⁾, ни „выписи“ Сибирскаго приказа по челобитнымъ Дежнева—ни слова

¹⁾ Дежневъ, повидимому, ошибся: 64+24 (число высадившихся съ Дежневымъ)=88 человѣкамъ, недостаетъ 2 человѣкъ, которые должны быть отнесены къ первой цифрѣ.

²⁾ См. *Приложеніе III-е*.

³⁾ Д. А. И., IV, № 45.

не говорятъ объ этомъ открытіи, а все свое вниманіе устремляютъ на найденныя Дежневымъ залежи моржевой кости... Такъ-же отнесся и самъ Дежневъ къ своему великому подвигу: онъ и не подозрѣвалъ всей важности своего морскаго пути отъ рѣки Колыма до рѣки Анадыра. Подобно своимъ властямъ, и онъ оцѣнилъ въ своемъ многотрудномъ морскомъ походѣ одинъ только матеріальный результатъ его—находку цѣннаго „рыбьяго зуба“.

Причины такого страннаго на нашъ современный взглядъ явленія очень просты. Стоить только вспомнить, въ какихъ слабыхъ зародышахъ существовала на Руси XVII вѣка географическая наука. Никому, конечно, и въ голову не приходило тогда помышлять о разрѣшеніи такой географической задачи, какъ вопросъ о раздѣльности Азіатскаго и Американскаго материковъ, да никто и не подозрѣвалъ существованія такой задачи. Какъ Дежневъ, такъ и его спутники, и высшая администрація—все заботились въ этомъ дѣлѣ объ одномъ: объ открытіи рѣки Анадыра и объ увеличеніи „государевой прибыли“ пріискомъ и покореніемъ новыхъ земель. А разъ эта цѣль была достигнута, рѣка Анадырь открыта, а „новопріискныя земли“ доставили своимъ „рыбымъ зубомъ“ большую „прибыль“ государевой казнѣ,—никого не интересовали уже тѣ пути, какими Дежневъ достигъ до рѣки Анадыра. Не интересовали они потому особенно, что вслѣдъ за Дежневскимъ труднымъ и не всегда проходимымъ путемъ была открыта Моторою и Стадухинымъ болѣе короткая, доступная и удобная сухопутная дорога на ту же рѣку Анадырь. Самъ Дежневъ, пытавшійся, повидимому, сначала доказать проходимость открытаго имъ морскаго пути (мы знаемъ, что въ 1653 году онъ собирался отправить съ Анадыра государеву казну въ Якутскъ моремъ), впоследствии долженъ былъ отказаться отъ этого намѣренія и прибѣгнуть къ той же сухопутной дорогѣ, по которой прошли Мотора и Стадухинъ. Дежневъ благоразумно взглянулъ на удачу своего морскаго плаванія по опасному „Студеному морю“, какъ на простую случайность, и, какъ практическій человѣкъ, не рѣшился рекомендовать повтореніе своего подвига. Тѣмъ менѣе могли помышлять объ этомъ Якутскія власти, хорошо знавшія, что этотъ подвигъ Дежнева былъ оплаченъ слишкомъ дорогою цѣною — цѣною болѣе 60 русскихъ жизней. Странно даже, какъ Якутскія власти не произвели среди оставшихся въ живыхъ Дежневскихъ спутниковъ практиковавшагося въ подобныхъ случаяхъ „розыска“ о такой крупной „истерѣ“ людей;

впрочемъ, быть можетъ, до насъ не дошло слѣдовъ этого розыска ¹⁾. Немудрено, что Дежневъ въ третьей челобитной царю умалчиваетъ о своемъ морскомъ плаваніи и не рисуется имъ, не выставляетъ своего подвига на видъ, чтобы заполучить за него обычное „государево жалованье“.

III.

„Второе открытіе“ Дежневскаго пролива (1728 года).

Географическое открытіе Дежнева, не имѣвшее прямыхъ практическихъ результатовъ, было скоро забыто и сибирскими властями, и высшей администраціей. Въ XVIII вѣкѣ—по выраженію г. Пыпина—„замѣчательныя открытія“ русскихъ людей XVII вѣка „приходилось дѣлать вновь“: „открывать во второй разъ Беринговъ проливъ“ и проч. ²⁾. Мысль Петра Великаго объ экспедиціи для рѣшенія интересовавшаго европейскую науку вопроса о раздѣльности Азіатскаго и Американскаго материковъ была приведена въ исполненіе уже послѣ его смерти экспедиціей капитанъ-командора Витуса Беринга и лейтенантовъ Мартина Шпанберга и Алексѣя Чирикова. Это такъ называемая „первая Камчатская экспедиція“ ³⁾, снаряжавшаяся (вслѣдствіе предсмертной собственноручной инструкціи Петра Великаго) въ теченіе 1725—1727 годовъ, совершила свое плаваніе въ 1728 году.

Не буду останавливаться надъ подробностями этого плаванія Беринга къ Дежневскому проливу, а займусь только однимъ вопросомъ имѣющимъ отношеніе къ Дежневу, именно: произошло ли въ 1728 году „второе открытіе“ Берингомъ того пролива, который въ 1648 году дѣйствительно былъ уже открытъ Дежневымъ?

Поднимаю этотъ старый вопросъ ⁴⁾ не съ цѣлью умаленія заслугъ

¹⁾ Въ вышеупомянутомъ „наказѣ“ Амосу Михайлову говорится о производствѣ „розыска“ надъ Дежневымъ съ товарищи только относительно ихъ Анадырской службы (Д. А. И., IV, № 30, с. 78).

²⁾ *Вѣстникъ Европы*, 1888, № 4, стр. 707—8.

³⁾ Первые свѣдѣнія о ней см. въ томъ же сочиненіи *Миллера* „Описаніе морскаго путешествія“ и проч., стран. 403—411. См. также путевой „журналъ“ экспедиціи (составленный мячаномъ Петромъ Чаланинымъ, спутникомъ Беринга), напечатанный *Берхомъ* въ „Перв. морск. путеш. рос.“ (СПб., 1823), а недавно перепечатанный г. В. Вахтинимъ въ его изданіи „Русск. труженики моря“ (С.-Пб., 1890), с. с. 4—73.

⁴⁾ Имъ отчасти интересовались *Миллеръ* (стр. 408—11), *Врангель* (стр. 11), *Берхъ* („Перв. морс. путеш.“, 54—9), *Спасскій* (см., напр. его статью „Владиміръ Атласовъ“ въ *Вѣстникъ Геогр. Общ.*, 1858, ч. XXIV, примѣчаніе на стран. 159) и др.

Беринга, а въ видахъ болѣе справедливаго отношенія къ памяти Дежнева. За Берингомъ, положившимъ жизнь свою за интересы науки и Россіи, такъ много несомнѣнной славы, такъ онъ по всей справедливости возвеличенъ, что снятіе съ его лавроваго вѣнка нѣсколькихъ неправильно вплетенныхъ туда листьевъ нисколько не пошатнеть вполне заслуженной славы Беринга по открытію и описанію сѣверо-западныхъ береговъ Америки, Алеутскихъ острововъ, Берингова и Камчатскаго морей и проч. Перенесеніе на всѣмъ забытаго Дежнева чести открытія спорнаго пролива не уменьшитъ памятныхъ и доселѣ заслугъ Беринга. Несомнѣнно, что Кукъ только потому и приписалъ Берингу открытіе пролива, что не подозрѣвалъ о плаваніи Дежнева. Но даже не зная послѣдняго, а рассматривая только плаваніе самого Беринга, нельзя не придти къ заключенію что Берингъ не проходилъ всего Дежневскаго пролива, цѣликомъ пройденнаго Дежневымъ.

Выйдя 20-го іюля 1728 года изъ устья рѣки Камчатки, боть Беринга „св. Гавріиль“ двигался ощупью ¹⁾ вдоль камчатскихъ береговъ, направляясь къ сѣверо-востоку. Около 10-го августа Берингъ приблизился къ Чукотскому носу и открылъ (уже открытый Дежневымъ) большой островъ св. Лаврентія, лежащій у входа въ Дежневскій проливъ. Пройдя параллель этого острова, Берингъ продолжалъ двигаться дальше къ сѣверо-востоку. 15-го и 16-го августа онъ не видалъ береговъ. 16-го августа, дойдя до 67° 18' широты, Берингъ повернулъ обратно, встрѣтивши къ утру слѣдующаго дня гористый берегъ и нѣсколько дальше островъ, лежавшій въ лѣвой рукѣ бота и названный имъ островомъ св. Діомида. 17-го августа боть продолжалъ двигаться назадъ подлѣ береговъ ²⁾.

Этотъ островъ св. Діомида — единственный признакъ, по которому

¹⁾ Любопытно слѣдующее обстоятельство: Берингъ и его спутники были образованные, по своему времени, морскіе офицеры, а между тѣмъ они такъ слабы оказались въ знаніи сибирскихъ береговъ, мимо которыхъ плыли, что когда 29-го іюля проходили мимо устья рѣки Анадыра, то-есть, въ 58 верстахъ отъ Анадырскаго острога (гдѣ могли бы получить и необходимую провизію, и полезныя для дальнѣйшаго плаванія свѣдѣнія), то даже не подозрѣвали о такой близости рѣки Анадыра и спохватились о ней только 8-го августа, когда ушли отъ рѣки слишкомъ далеко и уже приближались къ Чукотскому носу!.. (См. журналъ Чаплина въ „Первомъ морскомъ путешествіи“ Берга, стран. 42, 47).

²⁾ См. журналъ Чаплина, 48—60.

можно опредѣлить предѣлъ, до котораго доходилъ 16-го августа Берингъ въ своемъ плаваніи. Что же это за островъ св. Діомидъ?

На современныхъ картахъ островами св. Діомидъ или островами Гвоздева ¹⁾ называется группа трехъ острововъ, лежащая въ вершинѣ Дежневскаго пролива, въ разстояніи около 50 в. отъ мыса Восточнаго—крайней оконечности Азіатскаго материка (въ 250 в. отъ мыса Чукотскаго), откуда этотъ материкъ заворачиваетъ къ сѣверо-западу, къ мысу Сердце-Камень. Отъ крайняго къ юго-востоку изъ Гвоздевскихъ острововъ (островъ Угіака) до мыса Гвоздева на американскомъ берегу—около 40 верстъ.

Былъ ли здѣсь Берингъ? Впервые, мы знаемъ, что онъ видѣлъ только одинъ островъ, а не три острова. Всѣ они находятся въ такомъ близкомъ между собою разстояніи, что, видя одинъ островъ, нельзя не видѣть и остальныхъ двухъ. При томъ же, оба противоположные материка такъ близко отстоятъ отъ Гвоздевской группы, что, находясь вблизи этой группы, опять таки нельзя не видѣть и азіатскаго и американскаго береговъ. Мы знаемъ, что Берингъ съ мыса Чукотскаго видѣлъ отстоящій отъ него въ 75 верстахъ островъ св. Лаврентія, а на обратномъ пути къ Камчаткѣ хорошо рассмотрѣлъ мысъ св. Оаддея, хотя проходилъ отъ него почти въ такомъ же разстояніи. Правда, 17-го августа и Берингъ увидѣлъ материковый берегъ раньше своего острова Діомидъ. Но еслибы это случилось у Гвоздевской группы, то, увидѣвши азіатскій материкъ, онъ тѣмъ скорѣе долженъ былъ увидѣть и болѣе близкіе къ группѣ американскіе берега. По журналу Чаплина не видно, чтобы 15-го—17-го августа были туманы на морѣ, напротивъ, всѣ эти числа въ журналѣ отмѣчены ясными днями. Съ первыми туманами и „мрачностью“ Берингъ встрѣтился только 19—20-го августа, на обратномъ уже пути.

Если даже предположить, что Берингъ доходилъ до самаго южнаго изъ Гвоздевскихъ острововъ—острова Угіака и по какимъ-нибудь случайностямъ не замѣтилъ остальныхъ двухъ острововъ, и тогда все таки онъ не проходилъ параллели мыса Восточнаго, а

¹⁾ Последнее названіе справедливѣе, такъ какъ эта группа открыта (если не считать открытія Дежнева) въ 1730 г. геодезистомъ *Гвоздевымъ*, открывшимъ тогда же и лежащій противъ группы на американскомъ берегу мысъ Гвоздева, который новѣйшія карты также несправедливо величаютъ мысомъ Принца Валійскаго.

слѣдовательно, не убѣдился въ заворотѣ отсюда Азіатскаго материка къ сѣверо-западу, къ мысу Сердце-Камень.

Если съ другой стороны согласиться, что онъ прошелъ сѣвернѣе всей группы острововъ Гвоздева, то-есть, миновалъ мысъ Восточный, то какъ же онъ не замѣтилъ заворота Азіатскаго материка къ сѣверо-западу (о чемъ слышалъ уже раньше отъ встрѣченныхъ у Чукотскаго носа чукчей), какъ могъ проскользнуть незамѣтно мимо Гвоздевской группы и на обратномъ пути увидѣть только одинъ изъ трехъ острововъ?

Итакъ, очевидно, что до острововъ Гвоздева Берингъ совсѣмъ не доходилъ. Гдѣ же тогда искать его острова Діомиды?

Въ Дежневскомъ проливѣ есть еще два острова—Аракамченъ и Иттыгранъ, лежащіе сѣвернѣе мыса Чукотскаго и мыса Чаплина, въ проливѣ Сенявина, вблизи азіатскихъ береговъ: отъ мыса Чукотскаго до перваго изъ нихъ—около 50 верстъ, а до втораго около 70 верстъ. Но и здѣсь два острова лежатъ очень близко одинъ отъ другаго, слѣдовательно—и тутъ нельзя найти Берингова острова Діомиды.

Можно, наконецъ, указать еще на одинъ островъ, лежащій также въ Дежневскомъ проливѣ, который, повидимому, слѣдуетъ признать за Беринговъ островъ Діомиды: это—островъ Унивокъ, въ 70 верстахъ къ югу отъ мыса Гвоздева и почти въ такомъ же разстояніи отъ острова Уліака (Гвоздевской группы). Отъ мыса Чукотскаго до острова Унивока—около 230 верстъ къ с.-в.-в. Унивокъ, дѣйствительно, одинокій островъ. Именно его и могъ Берингъ назвать островомъ Діомиды. Сомнѣніе возбуждаетъ только то обстоятельство, что около своего острова Берингъ видѣлъ и материковый берегъ, а здѣсь, подлѣ острова Унивока, материка вблизи нѣтъ (ближайшій берегъ—мыса Гвоздева—лежитъ въ 70 верстахъ къ сѣверу). Но вѣдь мы не знаемъ, на какомъ именно разстояніи видѣлъ Берингъ материкъ подлѣ острова Діомиды,—можетъ быть, и на 70-тиверстномъ...

Итакъ, мнѣ кажется, что островомъ Діомиды Берингъ 17-го августа называлъ, всего вѣроятнѣе, именно о. Унивокъ, лежащій почти въ серединѣ (ближе къ американскимъ берегамъ) Дежневскаго пролива. Правда, положеніе этого острова не вполне совпадаетъ съ положеніемъ Берингова острова св. Діомиды. Но нужно имѣть въ виду, что численіе широты, до которой доходилъ Берингъ по журналу Чаплина ($67^{\circ} 18'$), могло быть ошибочно, какъ не разъ и въ другихъ случаяхъ ошибались и сотрудники Беринга, и онъ самъ въ своихъ морскихъ численіяхъ широтъ и долготъ.

Если же Берингъ былъ только на параллели острова Унивока, слѣдовательно, всего Дежневскаго пролива онъ не проходилъ ¹⁾ и вопроса о раздѣльности Азіатскаго материка отъ Американскаго не рѣшилъ. Самъ Берингъ именно такъ и смотрѣлъ на свое плаваніе, какъ на попытку разрѣшить поставленную для него экспедиціи задачу. Правда, Берингъ могъ высказывать въ послѣдствіи свои гаданія о раздѣльности Азіи отъ Америки, основываясь на томъ обстоятельстве, что проплывши къ сѣверо-востоку отъ Чукотскаго носа около 200 миль, онъ не встрѣтилъ соединенія материковъ, а также на основаніи разказовъ чукчей о заворотѣ Азіатскаго материка къ сѣверо-западу отъ мыса Восточнаго ²⁾. Но онъ высказывалъ это только какъ предположеніе, покоящееся на очень слабыхъ основахъ. „Вторая Камчатская экспедиція“ Беринга въ 1741 г., когда онъ открылъ сѣверо-западные берега Америки, была предпринята именно для подтвержденія и провѣрки сомнительныхъ результатовъ первой экспедиціи. Для той же провѣрки еще раньше, въ 1735 г., во время снаряженія второй Камчатской экспедиціи, была отправлена Берингомъ экспедиція (не имѣвшая успѣха) лейтенантовъ Петра Лассениуса, Дмитрія Лаптева и Плаутина для изслѣдованія морскаго пути отъ устьевъ рѣки Лены къ Камчаткѣ ³⁾.

Такой же взглядъ на сомнительность результатовъ первой Беринговой экспедиціи проглядываетъ и въ позднѣйшихъ распоряженіяхъ правительства. Достаточно, напримѣръ, указать на то, что въ 1755 г. состоялся сенатскій указъ, разрѣшавшій извѣстнымъ купцамъ-мореходамъ Афанасію Бахову и Никитѣ Шалаурову предпринять морское плаваніе изъ устьевъ рѣки Лены по Ледовитому океану къ востоку, для отысканія морскаго прохода въ Камчатку ⁴⁾. Такой мотивировки плаванія Бахова и Шалаурова не было бы, еслибы на первую экспедицію Беринга смотрѣли въ то время въ Россіи такъ, какъ на нее взглянулъ въ послѣдствіи Кукъ и другіе европейскіе географы.

Такъ же неувѣренно посмотрѣли на результаты этой экспедиціи Беринга и представители современнаго ему русскаго ученаго міра—

¹⁾ Бергъ въ „Перв. мор. путешествіи“ говоритъ, что Берингъ дошелъ только до „средины пролива“ (с. 56).

²⁾ Миллеръ, 409—410; Бергъ, 54—56.

³⁾ Врангель, 57—67; Бергъ, „Хронол. ист.“, 125—130.

⁴⁾ Врангель, 70.

Миллеръ ¹⁾ и Ломоносовъ ²⁾). Для Миллера, открывшаго подвигъ Дежнева, не было никакихъ сомнѣній въ томъ, что открытіе Дежнева нельзя сравнивать съ слабою попыткой Беринга, пробовавшаго совершить „второе открытіе“ Дежневскаго пролива, но въ дѣйствительности не совершившаго его и оставшагося послѣ своей экспедиціи при однихъ сомнительныхъ предположеніяхъ. Въ сущности, такой же взглядъ проглядываетъ и въ указанномъ сочиненіи Ломоносова, написанномъ въ 1763—1764 гг., то-есть, когда уже были извѣстны результаты и второй экспедиціи Беринга къ американскимъ берегамъ. Даже въ это время Ломоносовъ не подозрѣвалъ, что Берингъ въ 1728 г. разрѣшилъ поставленную ему задачу. Все это сочиненіе Ломоносова ясно показываетъ, что онъ считалъ задачу Беринга еще не исполненною и рѣшительно не придавалъ первой экспедиціи его того значенія, какое впоследствии было неосновательно приписано ей европейскими и русскими географами. Если же Ломоносовъ не сомнѣвается въ существованіи „прохода морского изъ Ледовитаго океана въ Тихой“, то не столько на основаніи результатовъ Беринговой экспедиціи, сколько главнымъ образомъ на основаніи плаванія Дежнева (с. 55), а затѣмъ—на показаніяхъ капитана Павлущаго о Чукотской землѣ (с. 56), геодезиста Гвоздева объ американскихъ берегахъ Дежневскаго пролива (с. 58) и проч.

Итакъ, кто же имѣетъ большее право на честь открытія Дежневскаго пролива: Дежневъ-ли, проплывшій весь проливъ отъ мыса Восточнаго до м. Чукотскаго, или Берингъ, проплывшій едва половину пролива отъ мыса Чукотскаго до острова Унивока? Несомнѣнно, отвѣтъ можетъ быть только въ пользу Семена Дежнева.

Съ такимъ отвѣтомъ не согласятся, быть можетъ, только тѣ, кто и доселѣ увлекается сомнѣніями въ открытіи Дежнева, высказанными извѣстнымъ сибирскимъ историкомъ 1830—1840 годовъ П. А. Словцовымъ. Займусь, поэтому, пересмотромъ его возраженій, тѣмъ болѣе необходимымъ, что „Историческое обозрѣніе Сибири“ Словцова вышло недавно (въ 1886 году) 2-мъ изданіемъ; слѣдовательно, его несправедливые и предвзятые взгляды на Семена Дежнева могутъ и теперь найти нежелательное распространеніе.

¹⁾ Миллеръ, 408—410.

²⁾ „Кратк. опис. разн. путеш. по сѣверн. морямъ“ и пр., сс. 53—58 и др.

IV.

Взгляд Словцова на открытіе Дежнева.

Отрицательное отношеніе Словцова ¹⁾ къ подвигу Семена Дежнева не имѣетъ за собою никакой фактической основы. Чтобы пошатнуть выводы Миллера и другихъ лицъ, говорившихъ объ открытіи Дежнева на основаніи его собственныхъ показаній въ отпискахъ Якутскимъ властямъ, Словцовъ прибѣгаетъ къ очень не хитрому приему: онъ заподозрѣваетъ подлинность показаній Дежневскихъ отписокъ и другихъ современныхъ ему документовъ. Словцовъ не вѣритъ тѣмъ актамъ, которыми пользовался Миллеръ и которыхъ Словцовъ не видѣлъ (въ цѣломъ видѣ они напечатаны были археографической комиссіей уже послѣ смерти Словцова—въ 1851 г.). Презрительно отзываясь объ этихъ актахъ („.... отписки Дежнева, въ Якутскомъ архивѣ валявшіяся и въ 1736 г. Миллеромъ поднятыя на показъ....“), Словцовъ рѣшительно называетъ разказъ Дежнева о своемъ морскомъ плаваніи „сказкою“, находитъ, что онъ въ своихъ отпискахъ „бахвалитъ съ дерзостію“, а потому не рѣшается назвать его даже „предтечею“ Беринга... Въ „посвященіи“ своего труда тому же Миллеру Словцовъ проситъ у него прощенія за то, „что безсмертіе, какимъ ты надѣлилъ казака Дежнева, онъ прекращаетъ по недоказанности права“ (с. VII)...

На чемъ же основанъ такой рѣшительный приговоръ? Словцовъ не скрываетъ своего удивленія передъ величіемъ подвига Дежнева и здѣсь-то именно и кроется главная причина его сомнѣній!... Онъ не вѣритъ, чтобы Дежневъ на такомъ плохомъ суденышкѣ, какимъ несомнѣнно былъ его кочъ, съ неопытною командою, очень мало знакомою съ моремъ, — могъ пройти тяжелый и неизвѣстный путь почти въ 2.000 верстъ (съ рѣки Колыма до береговъ Берингова моря), и „пройти водяную черту (Дежневскій проливъ), не пройденную однакожь ни Лаптевымъ, ни Шалауровымъ, ни Биллингсомъ, ни Врангелемъ“...

Да, нельзя не сознаться, что подвигъ Дежнева черезчуръ великъ, и удивительно, конечно, что совершеніе его выпало на долю „единого отъ малыхъ сихъ“, а не на долю сильныхъ опытомъ и знаніями

¹⁾ „Ист. обозр. Сиб.“ (изд. 1886 г.), т. I, сс. 56—59; т. II, с. X.

Лаптева, Биллингса и др. Но Словцовъ какъ будто не знаетъ, что великія открытія и изобрѣтенія нерѣдко посылаются судьбою именно на долю „малыхъ“, а не умудренныхъ всѣми богатствами разума и образованія. Онъ забылъ о слѣпомъ „счастьѣ“, не разбирающемъ своихъ избранниковъ. Именно съ такимъ счастьемъ приходится имѣть дѣло и здѣсь. Счастливая звѣзда привела простаго казака Дежнева къ разрѣшенію великой географической задачи, надъ которою долго еще потомъ ломали голову не знавшіе о подвигѣ Дежнева русскіе и европейскіе географы XVIII вѣка.

Необыкновенно благоприятное лѣто 1648 г., когда грозное „Студеное море“ оказалось свободнымъ отъ льдовъ у сибирскаго побережья и когда господствовали здѣсь попутные Дежневу вѣтры, помогло ему совершить тотъ путь, который въ другіе годы оказывался непроходимымъ и отъ массы льдовъ, и отъ противныхъ вѣтровъ. Такое благоприятное состояніе Ледовитаго океана бывало не разъ и послѣ Дежнева, какъ бывало оно и раньше. И послѣ Дежнева не разъ русскіе люди предпринимали болѣе или менѣе удачныя плаванія къ востоку отъ устья р. Колымы ¹⁾. Происходили также въ послѣдствіи плаванія изъ Камчатки къ устью рѣки Анадыра, а оттуда къ Дежневскому проливу. Вообще, по частямъ весь путь Дежнева не разъ проходилъ русскими людьми. Притомъ, мы знаемъ, что самъ Дежневъ собирался отправить государеву соболиную и моржевую казну съ Анадыра моремъ въ Колыму. Его остановило отъ этого намѣренія только неимѣніе всѣхъ судовыхъ принадлежностей, да разказы чукчей о томъ, что Студеное море не всякое лѣто бываетъ свободно отъ льдовъ. Все это вполне доказываетъ проходимость Дежневскаго пути въ иные годы. А разъ это такъ,—нѣтъ ничего удивительнаго, что стеченіе особенно счастливыхъ обстоятельствъ помогло въ 1648 г. кочу Дежнева совершить весь его славный путь.

Не нужно, при томъ, забывать, какъ выше уже замѣчено, что ни самъ Дежневъ, ни его Колымскія и Якутскія власти, ни высшая московская администрація — никто, словомъ, въ XVII в. не подозрѣвалъ о всемъ величіи подвига Дежнева и никто его не превозносилъ вплоть до архивныхъ открытій Миллера въ XVIII в. Мы знаемъ, что самъ Дежневъ о своемъ морскомъ плаваніи говоритъ такъ мало и на столько скромно, что даже Словцовъ счелъ нужнымъ упрекнуть его за отсутствіе подробностей въ описаніи этого плаванія.

¹⁾ Миллеръ, 100, 204 и др.

Нигдѣ, ни въ одномъ словѣ Дежневскихъ отписокъ и челобитныхъ нельзя найти того, что Словцовъ, самъ не читавшій ихъ, голословно называетъ „дерзостью“ и „бахвальствомъ“. Какая тутъ „дерзость“, когда человѣкъ, пріѣхавшій въ Москву бить челомъ государю о заслуженной наградѣ (что было въ XVII вѣкѣ самымъ естественнымъ явленіемъ), смиренно упоминаетъ (въ третьей челобитной) о своей Анадырской службѣ и объ открытіи „моржевой корги“, а о своемъ морскомъ плаваніи ни слова не говоритъ!.. Это плаваніе онъ считалъ такимъ неважнымъ событіемъ въ своей „государевой службѣ“, что не находилъ нужнымъ подробно говорить о немъ ни въ отпискахъ Якутскимъ воеводамъ 1655 г., ни въ первыхъ двухъ челобитныхъ царю 1662 и 1664 гг. Въ своихъ отпискахъ онъ заговорилъ о плаваніи, какъ мы знаемъ, единственно для опроверженія уже дѣйствительнаго „бахвальства“ Стадухина, незаконно приписывавшаго себѣ честь открытія „Большаго Каменнаго носа“ и „Анадырской корги“. Не будь этого обстоятельства, мы, вѣроятно, не узнали бы изъ отписокъ Дежнева и тѣхъ ничтожныхъ извѣстій о его знаменитомъ морскомъ плаваніи, какія случайно попали сюда, благодаря Стадухину.

Если же Дежневъ, не придавая никакого значенія своему морскому плаванію, рассказываетъ о немъ (въ отпискахъ и въ двухъ первыхъ челобитныхъ) только между прочимъ, мимоходомъ, безъ всякой задней мысли, то нѣтъ никакого основанія сомнѣваться, подобно Словцову, въ правдивости Дежневскаго разказа, называть его „сказкою“, упрекать въ „дерзости“ и т. п. Словно Дежневъ могъ знать, что мимоходомъ брошенныя имъ слова будутъ подняты почти черезъ 100 лѣтъ внимательнымъ архивнымъ розыскателемъ (Миллеромъ) и доставятъ Дежневу вѣчную славу!..

Вообще, Словцовъ видимо, что называется, придирается къ Дежневу и его разказу. Напримѣръ, онъ находитъ такое „противорѣчіе“ въ немъ: Дежневъ полагалъ, говоритъ Словцовъ, „Чукотскій носъ отъ Анадыра—то въ 3 дняхъ ходу сухопутнаго и водяного, то опять въ далекомъ разстояніи“. Но Словцовъ, не читавшій отписокъ Дежнева, не знаетъ, что въ первомъ случаѣ Дежневъ говоритъ не о трехъ дняхъ, а о трехъ „суткахъ“,—разница большая, при томъ—о трехъ суткахъ „добраго побѣга“ судномъ, то-есть хорошаго хода, при попутныхъ вѣтрахъ и проч. А трое сутокъ „добраго побѣга“ судна говорятъ именно о „далекомъ разстояніи“.

Въ своей несправедливости къ Дежневу Словцовъ, не понимая словъ Миллера, доходитъ, намѣренно, или не намѣренно, до поло-

жительной нелѣпости, которую онъ приписываетъ Дежневу. Такъ, мы знаемъ, по разказу Дежнева, что послѣ извѣстнаго боя его съ чукчами гдѣ-то на берегу около Чукотскаго носа (20-го сентября, когда былъ раненъ Ѳеодотъ Алексѣевъ) оба коча—и Дежнева, и Алексѣева—двинулись дальше по морю, но вскорѣ были разлучены бурей. Кочъ Алексѣева исчезъ неизвѣстно куда, а Дежневскій кочъ въ октябрѣ долго носило „всюду неволею“, пока не „выбросило на берегъ въ передней конецъ, за Анандырѣ рѣку“. Разказъ Дежнева—разказъ очень простой и понятный, не заключающій въ себѣ ничего удивительнаго. Но что же изъ него дѣлаетъ Словцовъ? Рисуетъ удивительную нелѣпость, которую будто бы разказываетъ Дежневъ. Именно, по Словцову выходитъ, какъ будто, во время боя съ чукчами на берегу, оставленные безъ надзора суда уносятся въ море „и одно изъ нихъ выброшено къ югу будто бы за Анадыромъ къ Олюторской (!) губѣ“, русскіе же послѣ боя и потери кочей отправляются сухимъ путемъ къ Анадыру, куда и приходятъ черезъ 10 недѣль. Изложивъ такъ неправильно разказъ Дежнева, Словцовъ приходитъ въ негодованіе: какъ это Дежневъ, находясь на берегу, видитъ за сотни верстъ, куда попало его судно: „можно-ли такъ далеко видѣть, и такъ наугадъ говорить, когда лучше бы запросто понимать, что судно или затерто во льдахъ, или исчезло изъ глазъ за островомъ, за мысомъ. Да и до того-ли было при стычкѣ, чтобъ наблюдать за судномъ?..“

Немудрено, что, увидѣвши такую несообразность въ разказѣ Дежнева, Словцовъ съ негодованіемъ относится и къ остальнымъ его показаніямъ. Но мы знаемъ, что этой несообразности совсѣмъ нѣтъ у Дежнева: она или выдумана Словцовымъ, или какъ то непонятно выведена имъ изъ разказа Дежнева въ передачѣ Миллера.

Остальныя возраженія Словцова также очень голословны. Такъ, онъ не вѣритъ, чтобы Дежневъ обходилъ Чукотскій носъ, и полагаетъ, что онъ смѣшалъ этотъ носъ или съ мысомъ Чаунскимъ (около 300 верстъ къ востоку отъ рѣки Колыма), или съ мысомъ Шелагскимъ (около 350 верстъ оттуда же). Мало того: Словцовъ полагаетъ, что и рѣку Анадырь Дежневъ смѣшалъ съ рѣкой Чауномъ (около 400 верстъ отъ рѣки Колыма), хотя тутъ же рядомъ онъ не отвергаетъ и того, что Дежневъ былъ и на подлинной рѣкѣ Анадырѣ, впадающей въ Берингово море... Но Чаунъ такая небольшая рѣчка въ сравненіи съ рѣкой Анадыромъ, да и рѣку Анадырь

такъ хорошо узнали русскіе со времени открытія ея Дежневымъ, что смѣшенія здѣсь не могло быть.

Нѣсколько серьезнѣе представляется мнѣніе Словцова относительно мыса Чаунскаго и мыса Шелагскаго. Онъ находитъ, что оба эти мыса своимъ положеніемъ соотвѣтствуютъ тому описанному Дежневымъ мысу, который онъ называетъ „Большимъ Каменнымъ носомъ“. Словцовъ увѣряетъ, что и первые два мыса лежатъ также „между сѣверомъ и востокомъ“ и также „поворачиваются кругомъ до Анадыря“. Отъ одного изъ этихъ мысовъ Дежневъ будто бы и двинулся къ заливу Св. Креста, а оттуда на рѣку Анадырь.

Сходство въ направленіи и положеніи этихъ трехъ мысовъ, конечно, дѣло возможное, но отсюда никакъ не слѣдуетъ, что Дежневъ не могъ быть у Чукотскаго носа. Если даже предположить, что именно мысъ Шелагскій есть мысъ Большой Каменный, по Дежневу, — тогда будетъ странно, что такое небольшое разстояніе отъ рѣки Колымы до мыса Шелагскаго (около 350 верстъ) проходило Дежневымъ съ 20-го іюня до 20-го сентября — ровно 3 мѣсяца! 350 верстъ даже слабый кочъ Дежнева могъ при благопріятной погодѣ пройти въ 5 — 10 дней, если даже не меньше. Дежневу же погода именно благопріятствовала до Чукотскаго носа и перемѣнилась къ худшему только за носомъ, уже въ концѣ сентября и позже.

Очевидно, это возраженіе Словцова не выдерживаетъ критики. Странно также, почему Словцовъ съ мыса Шелагскаго направляетъ Дежнева въ заливъ Св. Креста и заставляетъ его идти это пространство 10 недѣль. Правда, мѣстность здѣсь очень гористая (отпрыски Становаго хребта) и почти не населенная (и доселѣ здѣсь бродятъ только „оленные чукчи“), но пространство между мысомъ и заливомъ очень не велико (около 600 верстъ), чтобы на него тратить 10 недѣль. И почему Дежневъ пошелъ именно къ заливу Св. Креста, а не прямо на рѣку Анадырь (отъ залива до средняго теченія рѣки около 400 верстъ), — Словцовъ не объясняетъ. Вообще, все это очень голословно.

Также голословенъ Словцовъ и въ своемъ возраженіи относительно видѣнныхъ Дежневымъ противъ Чукотскаго носа двухъ острововъ. Словцовъ недоумѣваетъ, о какомъ мысѣ идетъ здѣсь рѣчь, такъ какъ и противъ мыса Восточнаго есть острова (группа Гвоздева), и противъ мыса Чукотскаго лежитъ о. св. Лаврентія, который могъ „показаться Дежневу вдвойнѣ“. Тѣмъ лучше, значить: какой бы мысъ ни разумѣлъ Дежневъ подъ именемъ Большаго Каменнаго носа,

онъ былъ все-таки правъ, разказывая о видѣнныхъ имъ двухъ островахъ (въ другомъ мѣстѣ отписки онъ говоритъ не о двухъ островахъ, а просто о нѣсколькихъ „островахъ“). Словцовъ же положительно неправъ, когда въ этомъ мѣстѣ заподозрѣваетъ даже Миллера во лжи, замѣчая относительно упоминанія Дежнева объ островахъ противъ носа, что „все это у Дежнева поддѣлка поздняя“.

Правда, извѣстно ¹⁾, что нерѣдко Миллеръ извлекалъ акты изъ сибирскихъ архивовъ крайне небрежно. Но въ данномъ случаѣ — относительно найденныхъ Миллеромъ отписокъ Дежнева 1655 г. — мы не имѣемъ никакихъ основаній подвергать сомнѣнiю ихъ подлинность, особенно послѣ того, какъ свѣдѣнiя этихъ отписокъ подтверждаются данными открытыхъ мною двухъ первыхъ челобитныхъ Дежнева 1662 и 1664 гг.

Также несправедливъ Словцовъ, когда говоритъ, что „еслибы обходъ Чукотскаго носа былъ истиненъ, честь принадлежала бы не сѣдоку, а хозяину, правившему судномъ“, считая такимъ хозяиномъ Оедота Алексѣева, а Дежнева признавая только „пассажиромъ“. Но мы знаемъ, что главою экспедиціи былъ именно Дежневъ, какъ представитель правительственной власти. При томъ О. Алексѣевъ не былъ единственнымъ „хозяиномъ“ кочей: такимъ „хозяиномъ“ былъ на своемъ кочѣ и Дежневъ, на другомъ кочѣ — промышленные люди Б. Астафьевъ и А. Андреевъ (прикащики „гостя“ Вас. Гусельникова), на третьемъ кочѣ — служилый человѣкъ Герас. Анкудиновъ и проч. Всѣ они были „хозяевами“ своихъ кочей. Но несомнѣнно, что во главѣ промышленныхъ людей стоялъ О. Алексѣевъ. Конечно, честь открытія Дежневскаго пролива принадлежитъ и О. Алексѣеву вмѣстѣ съ Г. Анкудиновымъ, такъ какъ оба они прошли съ Дежневымъ проливъ и затѣмъ погибли неизвѣстно гдѣ и когда. Не будь этой гибели и дойди Алексѣевъ съ Анкудиновымъ, подобно Дежневу, до рѣки Анадыря, — ихъ имена были бы такъ-же славны, какъ и имя Семена Дежнева и стояли бы рядомъ съ нимъ. Теперь же приходится смотрѣть на Оедота Алексѣева и на Герасима Анкудинова только какъ на болѣе крупныя жертвы Дежневскаго плаванія.

Имя же Семена Иванова Дежнева по-прежнему должно стоять во главѣ этой первой по времени крупной географической экспедиціи

¹⁾ См. мои замѣтки „Исторіографъ Миллеръ и его отношенія къ первоисточникамъ“ (*Библиографъ*, 1889, № 1) и „Къ вопросу объ исторіографѣ Миллерѣ“ (*ibid.*, № 8—9).

русскихъ, при томъ—экспедиціи вполнѣ удавшейся, хотя и предпринятой по инициативѣ и на средства частныхъ лицъ, а не администрации. Голословныя (а подчасъ и недобросовѣстныя) сомнѣнія Словцова не отнять у Дежнева вполнѣ заслуженной имъ славы первого изъ европейскихъ мореплавателей, открывшаго морской проходъ изъ Сѣвернаго Ледовитаго океана въ Восточный океанъ. Съ Словцовымъ слѣдуетъ согласиться въ одномъ, что Дежневъ не можетъ быть названъ „предтечею“ Беринга... Да, Дежневъ не могъ быть „предтечею“ того лица, которое само принадлежало къ длинному ряду неудачныхъ послѣдователей Дежнева; Дежневъ, открывшій весь проливъ, не можетъ стоять рядомъ съ Берингомъ, проплывшимъ едва половину „Дежневскаго пролива“.

V.

Новыя біографическія данныя о Дежневѣ (1638—1662 гг.).

Переходя къ новымъ свѣдѣніямъ о жизни С. И. Дежнева до его плаванія 1648 г. и послѣ него, останавлиюсь прежде всего на одномъ документѣ, который даетъ право заключить, что родиною Дежнева былъ тотъ именно городъ сѣверной Руси, который съ первыхъ шаговъ русскихъ въ Сибири и въ продолженіе XVII—XVIII вѣковъ и дальше всегда давалъ Сибири массу энергичныхъ и предприимчивыхъ дѣятелей: это — Великій Устюгъ. Неизбѣжные устюжане еще въ XVII в. вдоль и поперекъ искрестили всю Сибирь, побывали на всѣхъ ея рѣкахъ и омывающихъ сибирскіе берега моряхъ, то въ качествѣ служилыхъ людей, то какъ люди торговые и промышленные. Главными дѣятелями русской служилой и промышленной колонизаціи Сибири было населеніе вообще сѣверныхъ городовъ европейской Россіи, но почему-то устюжанъ всегда встрѣчалось на этомъ поприщѣ болѣе другихъ сѣверянъ. Этотъ-то городъ, сослужившій Сибири большую службу, былъ родиною и Семена Иванова Дежнева...

Основываясь въ такомъ заключеніи на четвертой челобитной Дежнева, поданной имъ въ Москвѣ 25-го февраля 1665 г. ¹⁾. Собираясь обратно въ Якутскій острогъ, Дежневъ просилъ государя отпустить съ нимъ туда его „племянника“ Ивана Иванова (съ его женою Татьяною Григорьевою), который „живетъ на Устюгѣ Великомъ ни въ

¹⁾ См. Приложение IV-е.

теглѣ, ни въ посадѣ, скитаецца межъ дворъ"... Просьба Дежнева была удовлетворена: ему разрѣшено взять племянника въ Якутскъ, „будетъ (то-есть—если) онъ вольной, а не тяглою, и ничей не крѣпостной, и никому никакова до него дѣла не будетъ, и государевыхъ будетъ долговъ и тяглъ на немъ нѣтъ“, о чемъ и „дать государеву грамоту“ Устюжскому воеводѣ. Грамота была вручена Дежневу, такъ какъ онъ самъ собирался захватить по дорогѣ въ Устюгъ и захватить оттуда племянника съ женою, которыхъ обязывался „вести съ собою въ Сибирь на своихъ подводахъ“.

Несомнѣнно, что Иванъ Ивановъ былъ именно „вольной“ человѣкъ, а „не тяглою“ и „не крѣпостной“: иначе бы Дежневъ и не рѣшился просить объ отпускѣ его въ Сибирь. Ни крѣпостному крестьянину, ни посадскому человѣку, прикрѣпленному къ городу извѣстнымъ тягломъ, не позволили бы бросить свою деревню или посадъ и идти вольнымъ человѣкомъ на новыя мѣста. Тѣмъ не менѣе этотъ „вольной“ человѣкъ Иванъ Ивановъ могъ происходить именно изъ посадскихъ людей Устюга: можетъ быть, еще его отецъ (очевидно, братъ Дежнева) сошелъ почему-либо (сбѣжалъ, обѣднѣлъ и т. п.) съ посадскаго тягла; можетъ быть, отцовское тягло перешло къ брату Ивашки, а онъ самъ очутился „вольнымъ“ человѣкомъ, котораго дядя смѣло могъ взять съ собою въ Сибирь и пристроить тамъ на государеву службу, или сдѣлать промышленнымъ человѣкомъ. Если же Ивашка происходилъ изъ посадскихъ людей Устюга, то къ тѣмъ же посадскимъ слѣдуетъ причислить и его знаменитаго дядю Дежнева. Если Ивашка „скитаецца межъ дворъ“ именно въ Устюгѣ, если Дежневъ собирается захватить въ тотъ же Устюгъ (конечно, не для того только, чтобы захватить Ивашку, но и для свиданія съ родными и родиною), то, кажется, не можетъ быть сомнѣній, что Устюгъ былъ родиною и дяди, и племянника.

Когда именно и при какихъ обстоятельствахъ Дежневъ оставилъ Устюгъ и отправился въ Сибирь,—къ сожалѣнію, не извѣстно. Первое хронологическое указаніе моихъ источниковъ о жизни Дежнева,—это показаніе самого Дежнева (въ первой челобитной), что въ 1638 году онъ перешелъ изъ Енисейска, гдѣ служилъ казакомъ, въ Якутскій острогъ. Но изъ третьей его челобитной мы узнаемъ, что раньше Енисейска онъ служилъ еще „по Тобольску“. Повидимому, и въ Тобольскѣ, и въ Енисейскѣ служба его была непродолжительна: первая челобитная Дежнева, гдѣ онъ такъ подробно разказываетъ о своей Якутской службѣ, ни слова не упоминаетъ о Тобольской службѣ, а

объ Енисейской говорить только по поводу перехода въ Якутскъ. Итакъ, можно предположить, что Дежневъ прѣхалъ въ Тобольскъ въ концѣ 1620-хъ, или въ началѣ 1630-хъ годовъ.

Характерно это стремленіе Дежнева на востокъ все дальше и дальше отъ насиженныхъ и спокойныхъ мѣстъ въ мѣста новыя, неизвѣданныя, безпокойныя. Спокойная сравнительно служба въ Тобольскѣ и Енисейскѣ, очевидно, не удовлетворяла Дежнева, и онъ переходитъ въ только что основанный Якутскій острогъ, гдѣ широкая натура его находить работу вполне по себѣ: постоянные походы для покоренія немирныхъ инородцевъ, поиски „новыхъ земель“, открытіе „новыхъ рѣкъ“ и проч. „Новыя рѣки“ приводятъ его къ великому „Студеному морю“. Онъ на столько основательно знакомится съ нимъ, что рѣшается предпринять крупное морское плаваніе для отысканія новой рѣки Анадыра. Счастливая судьба, послѣ ряда тяжелыхъ испытаній, приводитъ его и на эту рѣку, лежащую на крайнемъ востокѣ Сибирскаго материка. Все это неуклонное движеніе на востокъ—отъ Устья до рѣки Анадыра — несомнѣнно говорить, что у Дежнева была натура крайне подвижная, кипучая, далеко не ординарная. Недаромъ ему и выпало совершить подвигъ, выходящій изъ ряда обыкновенныхъ!..

Возвращаясь къ тѣмъ подробностямъ Якутской службы Дежнева, которыя онъ сообщаетъ въ своей первой челобитной 1662 г. Вся эта служба говоритъ о той же кипучести Дежневской натуры. Почти года не проходило, чтобы онъ не принималъ участія въ какомъ-либо походѣ. Сколько разъ онъ былъ раненъ въ бояхъ съ инородцами! Кажется, мѣста живого не осталось въ человѣкѣ!... ¹⁾ Какъ трудна вообще была эта служба (особенно на рѣкѣ Анадырѣ), Дежневъ самъ говоритъ не одинъ разъ въ своихъ челобитныхъ. Напримѣръ, въ 1662 г. онъ пишетъ, что, находясь на службѣ въ Якутскѣ 21 годъ, „на тѣхъ государевыхъ службахъ въ тѣ многіе годы всякую нужду и бѣдность терпѣлъ, и сосновую и лиственную кору ѣлъ, и всякую скверну пріималъ“... Въ челобитной 1664 г. говорить о тѣхъ же „дальнихъ службахъ“, что на нихъ онъ „голову свою складывалъ, раны великіе пріималъ и кровь свою проливалъ, холодъ и голодъ великій терпѣлъ, и помиралъ голодною смертію“...

Эта тяжелая и опасная служба Дежнева началась съ 1638 года, когда онъ въ отрядѣ боярскаго сына Петра Бекетова перешелъ на

¹⁾ За 20 лѣтъ своей Якутской службы Дежневъ былъ раненъ 9 разъ!

службу изъ Енисейскаго острога въ Якутскій. Въ слѣдующемъ 1639 г. Дежневъ служилъ въ Якутскѣ подъ начальствомъ боярскаго сына Парфена Ходырева. Такимъ образомъ, на первыхъ же шагахъ своей Якутской службы Дежневъ прошелъ хорошую школу такихъ энергичныхъ дѣятелей, какими были извѣстные П. Бекетовъ и П. Ходыревъ. Руководство этихъ опытныхъ служилыхъ людей познакомило Дежнева съ условіями не легкой государственной службы въ этомъ краю. Въ дальнѣйшей своей службѣ онъ также былъ счастливъ на руководителей, какими были для него столько же извѣстные—„письменной голова“ Василій Поярковъ, Дмитрій Михайловъ, Михайло Стахунъ и др.

Распорядительность и храбрость Дежнева сказались съ самой лучшей стороны въ первомъ же серьезномъ дѣлѣ, порученномъ ему Парфеномъ Ходыревымъ. Уже въ 1639 г. или 1640 г. (въ челобитной нѣтъ точнаго указанія) Дежневъ является въ роли „приказнаго“, то-есть, „начальнаго человѣка“, которому давались подъ команду цѣлыя отряды служилыхъ людей. Въ одинъ изъ указанныхъ годовъ „Кангаласкаго роду князецъ Сахей“ убилъ двухъ якутскихъ служилыхъ людей, Ѳедота Шиврина и Елфима Зипунка, посланныхъ къ Сахею для ясачнаго сбора, и вслѣдъ затѣмъ „сбѣжалъ съ своихъ жилищъ въ далекія мѣста—въ Оргуцкую волость“. Ходыревъ послалъ туда для разслѣдованія этого преступленія и для ясачнаго сбора служилаго человѣка Ивана Метлеха; но и Метлеха постигла та же судьба: его убилъ Тоглойко, сынъ Сахея. Тогда Ходыревъ отправилъ въ Оргуцкую волость Семѣна Дежнева. Какъ великъ былъ его отрядъ, Дежневъ не говоритъ, но сообщаетъ только о блистательномъ результатѣ своей миссіи: „и я съ того князца Сахея и съ его дѣтей и съ его родниковъ (то-есть, членовъ его рода) и съ иныхъ оргуцкихъ якутовъ взялъ съ нихъ твоего государева ясаку 3 соболя 20 соболей“.

Эта первая удача Дежнева обратила на него вниманіе и преемника Ходырева по управленію Якутскимъ острогомъ, письменнаго головы Василія Пояркова. Съ 1641 г. начинается знакомство Дежнева съ рѣками, впадающими въ „Студеное море“. Осенью этого года Поярковъ назначилъ Дежнева товарищемъ служилаго человѣка Дмитрія Михайлова, отправленнаго на р. Яну для ясачнаго сбора. Отрядъ Михайлова и Дежнева состоялъ изъ 15 человѣкъ. Они тронулись въ дорогу „зимнимъ путемъ, на своихъ лошадяхъ“. Дежневъ купилъ двухъ лошадей за 85 рублей. „Платышко и обувь и всякой служебной за-

водъ“ онъ покупалъ въ Якутскѣ на свои деньги: весь „подъемъ“ обошелся ему болѣе 100 р.

Перейдя на р. Яну „черезъ Камень (горы)“, Михайловъ и Дежневъ начали приводить подъ государеву руку мѣстныхъ инородцевъ. Дѣятельность ихъ въ этомъ отношеніи была на столько удачна, что въ короткое время они собрали очень богатый ясакъ: 8 сороковъ, 20 соболей и 2 бурыхъ лисицы. Съ этою соболіною казною Михайловъ отправилъ въ Якутскъ Дежнева съ тремя служилыми людьми („саму четверту“). На дорогѣ напали на эту маленькую партію болѣе 40 человекъ „ламуцкихъ тунгусовъ“, покушавшихся овладѣть мягкой рухлядью. Не смотря на подавляющее количество непріятеля, Дежневу удалось отбить нападеніе, благодаря главнымъ образомъ тому, что русскіе стрѣляли по тунгусамъ „изъ пищалей“, а тѣ „изъ луковъ“. Дежневъ на этомъ „бою“ убилъ у тунгусовъ „лутчево мужика до смерти“, множество другихъ тунгусовъ было переранено. Самого Дежнева „тѣ ламуцкіе мужики стрѣлою ранили въ лѣвую ногу по колѣну, а другою стрѣлою ранили въ ту жъ ногу въ икру“. Соболіную казну Дежневу удалось отстоять, и онъ привезъ ее въ Якутскъ къ недавно назначенному туда первому воеводѣ, извѣстному стольнику Петру Петровичу Головину.

Головинъ оцѣнилъ этотъ подвигъ Дежнева и въ 1642 г. отправилъ его на р. Оемоконъ, въ качествѣ товарища служилаго человека Михайла Стадухина, отрядъ котораго состоялъ изъ 14 человекъ. Предпринимая походъ, эти служилые люди не получили „государева денежнаго и хлѣбнаго жалованья“, а должны были снарядиться на свой счетъ („на своихъ лошадяхъ о-два-конь“ и проч.). „Подъемъ“ обошелся каждому по 150 р.

На р. Оемоконѣ Стадухинъ и Дежневъ удачно собирали ясакъ съ объясаченныхъ раньше Тунгускаго князца Чоны и его „родниковъ“. Но отношенія къ „неясачнымъ ламуцкимъ тунгусамъ“ были далеко не мирныя. Собравшись какъ-то въ количествѣ болѣе 500 человекъ, эти тунгусы сдѣлали неожиданное нападеніе на русское становище, „перестрѣляли“ большую часть лошадей отряда и „учинили бой“. Положеніе русскихъ было очень критическое, но, къ ихъ счастью, они получили неожиданную помощь, откуда трудно было ее и ожидать: „ясачные тунгусы и якуты за насъ стояли и по нихъ (не ясачныхъ) изъ луковъ стрѣляли“, говоритъ Дежневъ.... Этотъ довольно рѣдкій въ исторіи Сибири XVII вѣка фактъ ясно говоритъ въ пользу административныхъ способностей Стадухина и Деж-

нева. Очевидно, они умѣли на столько ладить съ ясачными инородцами, что тѣ добровольно становятся на сторону русскихъ въ борьбѣ послѣднихъ съ свободными, еще не объясаченными инородцами. Въ защитѣ русскихъ интересовъ ясачные инородцы доходятъ до того, что проливаютъ кровь своей же братіи....

При помощи этихъ ясачныхъ людей русскимъ удалось отбить нападеніе немирныхъ инородцевъ. Но жертвъ было не мало съ обѣихъ сторонъ. Русскіе убили 10 человѣкъ ламуцкихъ тунгусовъ и многихъ переранили. Изъ русскихъ никто не былъ убитъ, но у ихъ союзниковъ неясачные убили Якутскаго князя Удаю и „иныхъ многихъ ясачныхъ людей, а иныхъ переранили“. Вообще видно, что неясачные отнеслись съ ожесточеніемъ къ измѣнившимъ родному дѣлу ясачнымъ людямъ: Дежневъ говоритъ, что первые „разорили“ послѣднихъ (то-есть, ихъ юрты) „до основанья“... Дежневъ опять получилъ на этомъ бою двѣ „стрѣльные раны“: въ локоть правой руки и „въ стегно“ правой ноги.

На оставшихся немногихъ лошадяхъ Стадухинъ и Дежневъ отправили съ р. Оемоконъ въ Якутскъ собранную соболиную казну съ служилыми людьми Денисомъ Ериломъ и Иваномъ Кислымъ. Такимъ образомъ русскій отрядъ (всего 13 человѣкъ) остался совсѣмъ безъ лошадей. Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ ихъ выручилъ совѣтъ вышеупомянутаго ясачнаго князя Чоны—сдѣлать „кочъ“ и плыть на новыя рѣки „для пріиску новыхъ неясачныхъ людей“. Русскіе построили кочъ и рѣкою Оемокономъ спустились въ р. Индигирку, „а по Индигиркѣ выплыли на море“.

Такъ началось знакомство Дежнева со Студенымъ моремъ... Дежневъ не опредѣляетъ мѣста высадки русскихъ на берегъ, а разказываетъ далѣе, что по сказкѣ „иноземцевъ“ „ходилъ“ онъ вмѣстѣ съ сослуживцемъ Романомъ Нѣмчиномъ въ отрядъ служилаго человѣка Дм. Михайлова, того самаго, который въ 1641 г. вышелъ вмѣстѣ съ Дежневымъ на р. Яну, а затѣмъ, послѣ отбѣзда Дежнева въ Якутскъ, продвинулся еще дальше на востокъ. Гдѣ именно произошла встрѣча съ Михайловымъ, Дежневъ не говоритъ, но, кажется, это было на р. Алазѣ.

Дежневъ явился къ своему старому сослуживцу „для совѣту, чтобъ намъ съ нимъ, Дмитреемъ, вмѣстѣ служить государевы службы“. Соглашеніе начальныхъ людей о соединеніи отрядовъ (желательномъ, очевидно, обѣимъ сторонамъ, въ виду малочисленности того и другаго отряда) состоялось. Но еще до этого соединенія Дежневъ хо-

диль съ Михайловымъ въ походъ противъ Алазейскихъ юкагирей для взятія аманата. При этой „имкѣ“ аманата произошелъ бой съ инородцами, на которомъ Дежневъ „стрѣлою ранили въ лѣвое плечо“.

Стадухинъ соединился съ Михайловымъ на р. Колымѣ, откуда Дежневъ ходилъ вмѣстѣ съ ними противъ „юкагирскихъ мужиковъ Оймоковъ“. Во время боя съ ними Дежневъ убилъ у нихъ „лутчево мужика“ (брата князца Аллая), а самого Дежнева— „въ лѣвую руку по завити желѣзницею (то-есть, желѣзною стрѣлою) насквозь прострѣлили“. Въ аманаты взяли Кениту, сына Аллая.

Послѣ трехлѣтней службы на р. Колымѣ, Д. Михайловъ и М. Стадухинъ съ собраннымъ ясакомъ и половиною служилыхъ людей „моремъ на кочѣ пошли“ въ Якутскъ, а въ построенномъ ими Колымскомъ острожкѣ оставили Дежнева и Второго Гаврилова, всего 13 человекъ.

Думая воспользоваться такимъ малолюдствомъ русскаго отряда, князецъ Аллай собралъ болѣе 500 юкагирей, „приходилъ къ острожку приступомъ и обсадилъ насъ въ острожкѣ“. Произошелъ „съемной (рукопашный) бой“, во время котораго въ острожекѣ „многіе иноземцы къ намъ сильно вломились“. Но когда „измѣнника Аллая на съемномъ бою копьемъ скололи до смерти“ и убили другихъ юкагирей, а множество ранили,— „они, убоясь смерти, отошли прочь отъ острожку“. Дежневъ опять былъ раненъ— въ голову „стрѣлою желѣзницею“.

Между тѣмъ, Дмитрій Михайловъ не доѣхалъ до Якутства и съ дороги опять вернулся на р. Колыму уже въ качествѣ офиціального „приказнаго человека“ въ Колымскомъ острожкѣ. Дорогою, „на морѣ“, Михайловъ встрѣтилъ ѣхавшаго изъ Якутска (съ торговыми и промышленными людьми) Петра Новоселова, назначеннаго „таможеннымъ цѣловальникомъ“ въ тотъ же острожекъ. Новоселовъ передалъ Михайлову отъ Якутскаго воеводы П. П. Головина „наказную память“, назначавшую Михайлова „приказнымъ“ на „новопріискихъ рѣкахъ“: на Индигиркѣ, Алазѣйкѣ, Колымѣ, на р. Собачьей и на другихъ рѣкахъ, которыя обязаны были пріискивать новыя власти Колымскаго острожка. Служилые люди послѣдняго отданы подъ команду Михайлова.

Дежневъ замѣчаетъ, что „приказной Д. Михайловъ и цѣловальникъ П. Новоселовъ тебѣ, государю, радѣли, съ великимъ радѣньемъ“: много разъ они посылали служилыхъ людей „на непослушниковъ неясачныхъ иноземцевъ“, съ которыхъ и удавалось русскимъ получать

ясаки. Дежневъ не перечисляетъ всѣхъ этихъ походовъ. Онъ останавливается только на послѣднемъ (передъ морскимъ плаваніемъ 1648 г.) походѣ противъ тѣхъ „государевыхъ измѣнниковъ“ юкагирей, которые раньше „приходили къ острожку приступомъ“ (см. выше). Повидимому, эта экспедиція была подъ начальствомъ Дежнева. Экспедиція удалась: русскіе „поймали въ аманаты“ одного изъ „лутчихъ мужиковъ“. Но самъ Дежневъ опять былъ раненъ—въ „лѣвую руку въ мышку“.

Дальше въ первой челобитной Дежнева 1662 г. идутъ свѣдѣнія о его знаменитомъ морскомъ плаваніи 1648 г. (см. II главу).

О своей Анадырской службѣ Дежневъ говоритъ въ той же челобитной очень коротко и не сообщаетъ ничего почти новаго противъ тѣхъ подробностей, какія извѣстны по актамъ, напечатаннымъ въ Дополн. Акт. Ист. (см. I главу). Отмѣчу только, что въ 1659 г. боярский сынъ Курбатъ Ивановъ (извѣстный Якутскій дѣятель того времени) „на Анадырѣ рѣкъ—говоритъ Дежневъ—принялъ у меня острожекъ и аманатовъ“.

Изъ данныхъ второй челобитной Дежнева 1664 г.¹⁾ объ Анадырской службѣ любопытно то указаніе, что съ 1643 г. по 1662 г. онъ не получалъ государева денежнаго, хлѣбнаго и солянаго жалованья, а жилъ „своими деньгами“. Въ 1662 г., находясь въ Якутскѣ, Дежневъ просилъ воеводу, стольника Ивана Ѳеодоровича Большаго Голенищева-Кутузова, выдать „заслуженной окладъ“. Но воевода счелъ возможнымъ выдать ему только соляной окладъ сполна за всѣ указанные годы, но въ остальномъ жалованьи отказалъ—„для денежной и хлѣбной скудости“ въ Якутскомъ острогѣ.

Въ остальныхъ новооткрытыхъ документахъ²⁾ находимъ очень мало новыхъ подробностей объ анадырской службѣ Дежнева и о предыдущей его жизни. Отмѣчу только слѣдующіе факты:

„Выписка“ Якутской съѣзжей избы 1662 г. говоритъ, что въ

¹⁾ См. Приложение II-е.

²⁾ „Выписка“ Якутской съѣзжей избы по первой челобитной Дежнева 1662 г. (Сибир. приказа столбецъ № 768, лл. 8—9); „выпись“ Сибирскаго приказа по второй челобитной 1664 г. (ibid., лл. 12—18); „докладъ“ Сибир. приказа государю 1665 г. (ibid., лл. 19—22); „выпись“ Сибир. приказа по третьей челобитной 1665 г. (ibid., столбецъ № 762, лл. 2—6); „отписка“ якутскаго воеводы Мих. Лодыженскаго 1656 г. и отвѣтная царская грамота отъ 30-го генваря 1658 г. (ibid., столбецъ № 534). Эта грамота, передающая все содержаніе отписки Лодыженскаго, напечатана (по другому—Миллеровскому списку) въ Доп. Ак. Ист. IV, № 45.

1639 г. боярский сынъ Парфенъ Ходыревъ принялъ въ „Новомъ Ленскомъ острожкѣ“ (впослѣдствіи Якутскій острогъ) у боярскаго сына Петра Бекетова 30 чел. енисейскихъ служилыхъ людей, а въ томъ числѣ и казака Семена Дежнева. Служилъ онъ въ Якутскѣ „сверхъ государева указнаго числа, сверхъ якутскихъ служилыхъ людей въ енисейскомъ въ прежнемъ своемъ окладѣ“. Этотъ годовой „окладъ“ его былъ не великъ: „денегъ 5 рублей, хлѣба 5 чети съ осминою ржи, 4 чети овса, 2 пуда безъ чети соли“. Но и этотъ окладъ онъ не получалъ, потому что находился на „дальнихъ службахъ“, на рѣкахъ Колымѣ и Анадырѣ.

Хотя въ 1659 г. Дежневъ сдалъ Анадырскій острожекъ Курбату Иванову, но продолжалъ еще 2 года жить на рѣкѣ Анадырѣ, занимаясь собственнымъ промысломъ по добычѣ моржеваго зуба и проч. Только въ 1662 г. онъ оставилъ Анадырь и прибылъ въ Якутскій острогъ, откуда и направился въ Москву.

VI.

Двѣ поѣздки Дежнева въ Москву (1662—1671 гг.).

Нѣкоторыя подробности о прибытіи С. И. Дежнева въ Якутскъ въ 1662 г., находимъ въ отпискѣ Якутскаго воеводы стольника И. О. Большаго Голенищева-Кутузова въ Сибирскій приказъ ¹⁾. Воевода сообщаетъ о пріѣздѣ съ рѣки Анадыра служилыхъ людей С. Дежнева и Артемія Салдата, которые доставили „костяную казну—рыбей зубъ, что промышляли на коргѣ на великаго государя“ и что собрали за „десятиную“ и другія пошлины, а также и кость, найденную въ „статкахъ“ (имуществѣ) убитыхъ—служилаго человѣка Ивана Пуляева, промышленнаго человѣка Елфима Меркурьева ²⁾ и др. Къ „костяной казнѣ“ Дежнева воевода присоединилъ и привезенную съ рѣки Колымы боярскимъ сыномъ Иваномъ Ярастовымъ и цѣловальникомъ Степаномъ Журливымъ, а также собранную къ тому времени въ Якутскѣ. Всего набралось 196 пудовъ 17¹/₂ гривенокъ кости, въ томъ числѣ кости Дежнева, собранной имъ на свои собственные средства,—31 пудъ 39 гривенокъ. Всю эту кость воевода отправилъ въ Москву съ Деж-

¹⁾ Сибирскаго приказа столбецъ № 534.

²⁾ Ив. Пуляевъ, Арт. Салдатъ и Елф. Меркурьевъ—все они были спутниками Дежнева по его знаменитому плаванію 1648 г.

невымъ, Артеміемъ Салдатомъ, Григоріемъ Пискуномъ и съ другими служилыми и промышленными (цѣловальниками) людьми.

Раньше этой отправки, 17-го іюля, Дежневъ подалъ воеводѣ, для отправки въ Москву, свою извѣстную уже намъ первую челобитную ¹⁾ „о службѣ своей великому государю“, о „заслуженномъ жалованьѣ на прошлые годы“ и о „прибавочномъ жалованьѣ за кровь и за раны и за многое терпѣнье“. Какъ эта челобитная, такъ и „выписка“ по ней Якутской съѣзжей избы ²⁾, при „отпискѣ“ Кутузова ³⁾, тогда же (послѣ 17-го іюля) отправлены въ Москву съ Якутскимъ казакомъ Ларіономъ Ламою ⁴⁾.

Дежневъ выѣхалъ съ „костяною казною“ въ Москву послѣ Ларіона Ламы, но когда именно—нѣтъ указаній. Во всякомъ случаѣ, его отъѣздъ состоялся не раньше осени или конца 1662 г. (вѣрнѣе—послѣднее, когда Дежневъ могъ воспользоваться зимнимъ путемъ). Время прибытія его въ Москву также въ точности не извѣстно, но можно отнести его къ началу или къ половинѣ 1664 г. Вторая его челобитная (о „заслуженномъ жалованьѣ“) подана въ Москвѣ 23-го сентября 1664 г. Но это не была его первая московская челобитная. По пріѣздѣ въ Москву сибирскіе служилые люди обыкновенно подавали первую челобитную о выдачѣ имъ „выходнаго жалованья“ (за „выходъ“, то-есть за пріѣздъ въ Москву) и „поденнаго корма“. Но именно этой челобитной Дежнева мы и не имѣемъ. Раньше извѣстныхъ намъ четырехъ московскихъ челобитныхъ подавалъ Дежневъ и другія челобитныя. Такъ, „выпись“ Сибирскаго приказа по третьей челобитной Дежнева ⁵⁾ говоритъ, что за 31 пудъ 39 гривенокъ собственной кости Дежнева „выдано ему Сенькѣ противъ его челобитья собольми на 500 рублей“. И этой челобитной Дежнева мы не знаемъ. Вообще, несомнѣнно, что до подачи второй челобитной Дежневъ не мало времени прожилъ въ Москвѣ.

Какъ бы тамъ ни было, но Дежневъ благополучно доставилъ въ Москву „костяную казну“ не позже половины 1664 г. Посылка именно его съ анадырскою моржевою костью въ Москву показываетъ, что

¹⁾ Сибир. приказа столбецъ № 768, лл. 2—7.

²⁾ Ibid., лл. 8—9.

³⁾ Ibid., л. 1.

⁴⁾ Л. Лама прибылъ въ Москву 1-го декабря 1663 г., то-есть былъ въ пути болѣе года. Это обычная въ XVII вѣкѣ продолжительность пути изъ Якутска въ Москву.

⁵⁾ Сибир. приказа столб. № 762, лл. 2—6.

производившійся Амосомъ Михайловымъ „розыскъ“ (см. I главу) объ Анадырской службѣ Дежнева окончился счастливо для послѣдняго. Еслибы этотъ розыскъ обнаружилъ какія нибудь злоупотребленія Дежнева, Якутскій воевода ни въ какомъ случаѣ не отправилъ бы его въ Москву. Въ XVII вѣкѣ существовалъ обычай, что на подобныя послылки въ Москву, сопровождавшіяся тою или другою наградою для посылаемыхъ лицъ, всегда назначались люди отличившіеся, заслужившіе право на „государево жалованье“, и предпочтительно—отличившіеся именно въ томъ дѣлѣ, по поводу котораго ихъ посылаютъ къ государю. То же самое практиковалось и въ ратномъ дѣлѣ: „сеунчами“ (вѣстниками) съ поля боя всегда посылались наиболѣе отличившіеся въ томъ бою ратные люди.

Съ моржевою костью естественно было послать Дежнева, открывшаго богатые залежи кости на Анадырской „коргѣ“, и при томъ человѣка, ничѣмъ не опороченнаго во время своей продолжительной „государевой службы“. Только чистота этой службы дала Дежневу право смѣло бить челомъ государю о разныхъ наградахъ и милостяхъ, и только сознаніе этой чистоты заставило правительство почти вполнѣ удовлетворить всѣ Дежневскія челобитья. Такъ было удовлетворено одно изъ первыхъ (не дошедшихъ до насъ) челобитій Дежнева—о выдачѣ ему соболей за кость, отписанную у него на государя согласно указу отъ 10-го генваря 1656 г. ¹⁾: ему выдали въ Москвѣ (см. выше) соболей на 500 р.—сумму очень значительную для XVII вѣка.

Затѣмъ идетъ цѣлый рядъ другихъ наградъ. Во второй своей челобитной отъ 23-го сентября 1664 г. ²⁾ Дежневъ проситъ о выдачѣ ему „заслуженнаго денежнаго и хлѣбнаго жалованья“ за 1643—1661 гг., не полученнаго имъ въ Якутскѣ въ свое время вслѣдствіе тамошней „денежной и хлѣбной скудости“, а также и вслѣдствіе нахождения челобитчика на „дальнихъ службахъ“. Дежневъ проситъ объ этой необычной по размѣру (за 19 лѣтъ) выдачѣ жалованья „за мое службишко къ тебѣ, великому государю, и за подъемы (то-есть, за сборы на службу на свои средства), и за аманачкое иманье (то-есть, за взятіе аманатовъ), и за раны, и за кровь, и за морскіе разбои (то-есть, за крушеніе на морѣ), и за всякое нужное терпѣніе“...

Изъ „выписи“ Сибирскаго приказа ³⁾, основанной на отпискахъ

¹⁾ Доп. Акт. Ист., IV, № 45.

²⁾ Сибир. приказа столб. № 768, лл. 10—11. См. Приложение II-е.

³⁾ Ibid., лл. 12—18.

Якутскихъ воеводъ, видно, что Дежневъ дѣйствительно не получалъ за указаннаго имъ 19 лѣтъ ни денежнаго, ни хлѣбнаго жалованья. „Сполна“ онъ получилъ въ Якутскѣ только „соляной окладъ“. Остальные же оклады (по 5 р. денегъ, по 5 четей съ осминою ржи и по 4 чети овса на годъ) „довелось дать“ ему на Москвѣ. Жалованье же за послѣдніе три года (1662—1664 гг.) уже выдано ему въ Якутскѣ, передъ отправленіемъ въ Москву.

По свѣдѣніямъ приказа, „напередъ сего“ подобныя челобитья разрѣшались въ пользу челобитчиковъ: заслуженное жалованье выдавалось имъ на Москвѣ „сполна“, при чемъ за хлѣбъ платили деньгами, именно за четь ржи по 7 алтынъ 4 деньги, а за четь овса по 4 алтына. „И только великій государь укажетъ“, — заключаетъ „выпись“, — выдать Дежневу заслуженное имъ за 19 лѣтъ жалованье, „и того доведется ему“ дать денегъ 95 р., а за хлѣбъ 33 р. 1 алт. 4 деньги, всего 128 р. 1 алт. 4 деньги.

Но прежде выдачи этой суммы приказано было „росписать“, почему доведется дать серебряныхъ денегъ за тѣ годы, въ которыхъ годѣхъ ходили мѣдныя деньги“. По произведенному расчету перевода мѣдныхъ денегъ на серебряныя оказалось, что Дежневъ долженъ получить всего серебряными деньгами 126 руб. 6 алтынъ 5 денегъ.

Въ виду значительности выдачи Сибирскій приказъ составилъ „докладъ“ государю ¹⁾, въ которомъ былъ изложенъ весь ходъ дѣла о заслуженномъ жалованьи Дежнева. 28-го генваря „начальный челобѣкъ“ приказа, окольникій Родіонъ Матвѣевичъ Стрешневъ, „по сей выпискѣ докладывалъ“ государю, и государь, „слушавъ себѣ выписки и челобитья ленскаго казака Сеньки Дежнева, пожаловалъ—велѣлъ ему Сенькѣ свое государево годовое денежное жалованье и за хлѣбъ на прошлые годы со 151 году по 170 годъ, на 19 лѣтъ, за ево службу, что онъ въ тѣхъ годѣхъ былъ на ево государевѣ, службѣ на Анандырѣ рѣкѣ для государева ясачнаго збору и прииску новыхъ землищъ, и, будучи на государевѣ службѣ упромышлялъ кости рыба зубу 289 пудъ, цѣна по 60 рублевъ пудъ, и ясакъ на великаго государя збиралъ, и аманаты ималъ, а на тѣ прошлые на 19 лѣтъ государева годового денежного и хлѣбнаго жалованья нигдѣ не ималъ, и за ту ево Сенькину многую службу и за терпѣніе пожаловалъ великій государь самодержецъ, велѣлъ ему на тѣ

¹⁾ Ibid., лл. 19—22.

прошлые годы выдать изъ Сибирскаго приказа треть деньгами, а за 2 доли сукнами" (лл. 21—22).

29-го генваря выдали Дежневу деньгами 38 р. 22 алтына 3 деньги, „да сукнами—2 половинки темно-вишневыхъ, да половинка свѣтло-зелена, мѣрою въ нихъ 97 аршинъ съ четью, по цѣнѣ на" 87 р. 17 а. 3 д., „по 30 алтынъ за аршинъ".

Дѣло оканчивается грамотою Якутскому воеводѣ стольнику И. О. Большому Голенищеву-Кутузову, отъ 17-го февраля 1665 г. ¹⁾, въ которой сообщается о выдачѣ Дежневу жалованья на Москвѣ и предписывается—эту „московскую дачу подъ именемъ ево (Дежнева) подписать въ ленскихъ расходныхъ книгахъ". Изъ грамоты видно, что Дежневъ былъ присланъ въ Москву не только съ рыбьимъ зубомъ, но и съ якутскою „соболіною казною".

Въ томъ же февралѣ Дежневъ подалъ свою третью челобитную ²⁾. Разказывая здѣсь въ общихъ чертахъ о своей 20-тилѣтней службѣ по Тобольску, Енисейску, по рѣкѣ Ленѣ „и по инымъ рѣкамъ" и упоминая, что не разъ онъ служилъ „приказнымъ человѣкомъ вмѣсто атамана", Дежневъ проситъ—„за ту мою службу, и за кровь, и за раны, и за ясачную прибыль"—„поверстать" его „по Якуцкому острогу въ сотники, или какъ тебѣ, великому государю, Господь Богъ о мнѣ извѣститъ"... Кроме того, Дежневъ проситъ, чтобы ему разрѣшено было ежегодно покупать „про свой обиходъ" въ Якутскѣ по 300 пудовъ хлѣбныхъ запасовъ.

Эта челобитная подана была Дежневымъ 13-го февраля. Сибирскій приказъ составилъ (изъ Якутскихъ воеводскихъ отписокъ и другихъ документовъ) обычную „выпись" ³⁾ о службѣ Дежнева на рѣкѣ Анадырѣ и объ открытіи имъ моржевой кости. Переходя къ просьбѣ Дежнева о поверстаніи его въ сотники, выпись дѣлаетъ справку, что въ Якутскомъ острогѣ полагалось 3 „стрѣльцкихъ и казачьихъ сотника", которые получали такіе годовые оклады: два сотника (Ларіонъ Троимовъ и Амосъ Михайловъ, посланный въ 1656 г. „прикащикомъ" на рѣку Анадырѣ) получали по 9 рублей, хлѣба по 8 чети ржи и по 6 чети овса, да по 3 пуда безъ чети соли, а третій сотникъ (Матвѣй Ярыгинъ)—9 рублей, 7 четей ржи, 4 чети овса и „полтретя" (2¹/₂) пуда соли. На мѣсто М. Ярыгина, произведеннаго въ якутскіе

¹⁾ Ibid., лл. 23—24.

²⁾ Сибир. приказа столбецъ № 762, л. 1. См. Приложение III-е.

³⁾ Ibid., лл. 2—6.

боярскіе дѣти, въ 169 г. назначенъ „пятидесятникъ“ Терентій Смирнягинъ, которому учиненъ слѣдующій „сотничей окладъ“: 10 рубле „съ четью“, 9 четей ржи, 6 четей съ осминою овса, 4 пуда соли.

Такимъ образомъ, всѣ „сотничьи оклады“ въ Якутскѣ были заняты. Приходилось назначить Дежневу какой нибудь другой окладъ. По „пмянной книгѣ“ 169 г. (1661 г.), въ Якутскѣ значилось—3 сотника, 1 атаманъ, 12 пятидесятниковъ, 20 десятниковъ и 578 рядовыхъ, всего („опричь сотниковъ и атамана“) служилыхъ людей—610 человекъ. За неимѣніемъ сотничьяго оклада рѣшено было предоставить Дежневу свободный окладъ Якутскаго „атамана“. Объ этомъ говорить слѣдующій приговоръ Сибирскаго приказа (л. 6—7):

„173 году, февраля въ 25-й день, по указу великого государя, окольничій Родіонъ Матвѣевичъ Стрѣшневъ, слушавъ съе выписки, приказалъ: за ево Сенькину службу и за приискъ рыба зуба, за кость и за раны—поверстать въ отаманы, и окладъ ему учинить противъ ево братьи отамановъ—9 рублевъ денегъ, да хлѣба 7 чети ржи, да 4 чети овса, да 2 пуда съ четью соли, и о томъ ему дать на Лену въ Якутцкой острогъ государеву грамоту—велѣть ему быть въ отаманѣхъ, а на нынѣшней на 173 годъ государева жалованья денежного и хлѣбного и соляного новой придачи по окладу ему давать не велѣть, потому что ему на нынѣшней на 173 г. денежное жалованье дано на Москвѣ—казачей окладъ, а хлѣбное и соляное жалованье прежней ево окладъ велѣть дать въ Сибири на Ленѣ“.

Это распоряженіе приказа передано Якутскому воеводѣ грамотою отъ 28-го февраля 1665 года ¹⁾).

Около этого же времени Дежневъ подалъ извѣстную уже намъ четвертую челобитную ²⁾ о разрѣшеніи взять съ собою въ Якутскъ племянника Ивана Иванова, проживавшаго на родинѣ Дежнева — въ Великомъ Устюгѣ. Какъ мы знаемъ, челобитье Дежнева было удовлетворено: Сибирскій приказъ выдалъ ему съ племянникомъ вмѣстѣ „проѣзжую грамоту“ ³⁾ отъ Москвы чрезъ Устюгъ до Якутска. Грамота говоритъ, между прочимъ, объ особомъ знакѣ довѣрія правительства къ Дежневу: оказывается, что ему поручено было доставить въ Якутскъ посылавшуюся изъ Москвы „государеву денежную казну“.

Собираясь въ обратный путь, Дежневъ еще въ первой половинѣ фев-

¹⁾ Ibid., л. л. 8—9.

²⁾ Ibid., л. 10.

³⁾ Ibid., л. 11

раля подалъ обычную челобитную ¹⁾ объ отпускѣ изъ Москвы и о выдачѣ „подорожной въ Ямской приказъ“. 14-го февраля Сибирскій приказъ отправилъ въ Ямской „подорожную память“ ²⁾ о дачѣ Дежневу „подводъ съ санями и съ проводники, а лѣтомъ водою лодку и кормщика и гребцовъ противъ подводъ, по указу“.

Вѣроятно, въ концѣ февраля или началѣ мартѣ 1665 года Дежневъ выѣхалъ изъ Москвы въ Якутскъ, пользуясь послѣднимъ зимнимъ путемъ. Когда именно прибылъ онъ въ Якутскъ, гдѣ и какъ продолжалась здѣсь его служба въ качествѣ Якутскаго „казацкаго атамана“, — свѣдѣній объ этомъ, къ сожалѣнію, не имѣю. Мнѣ извѣстно только дѣло о второй поѣздкѣ Дежнева въ Москву въ 1670—1671 го, дахъ, снова съ соболиною казною ³⁾. Дѣло состоитъ изъ слѣдующихъ документовъ: а) двухъ отписокъ Якутскаго воеводы стольника князя Ивана Петровича Борятинскаго и дьяка Стефана Ельчукова, б) отписки Илимскаго воеводы Силы Аничкова, в) отписки Тобольскихъ воеводъ боярина князя Ивана Борисовича Репнина съ товарищи, г) отписки Верхотурскаго таможеннаго и заставнаго головы Силы Садилова, д) „цѣновной росписи“ Якутской соболиной казны, доставленной въ Москву Дежневымъ, и г) „пріемной росписи“ этой казны „цѣновниками“ „Соболиной казны“ (особое отдѣленіе Сибирскаго приказа) гостемъ Остафѣемъ Филатьевымъ съ товарищи. Изъ этихъ документовъ извлекаю слѣдующія свѣдѣнія о второй поѣздкѣ Дежнева въ Москву.

Дежневъ выѣхалъ изъ Якутска 20-го іюля 1670 года. Кромѣ соболиной казны, воевода поручилъ ему доставить въ Сибирскій приказъ разные документы Якутской приказной избы за прошлый 1669 годъ — „денежные и хлѣбные смѣтные и помѣтные списки“, „ясачныя книги“, „именныя окладныя книги“ и проч. Соболиную казну сопровождали два цѣловальника, Иванъ Самойловъ и Гаврило Карповъ, и нѣсколько Якутскихъ казаковъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ Невфедъ Михайловъ Стадухинъ, сынъ извѣстнаго соперника Дежнева по Анадырской службѣ — Михайлы Стадухина. Очевидно, всѣ старыя недоразумѣнія между нимъ и Дежневымъ были совершенно забыты и отношенія ихъ сдѣлались на столько хороши, что Стадухинъ отпустилъ съ Дежневымъ въ Москву своего сына.

¹⁾ Ibid., л. 12.

²⁾ Ibid., л. 13.

³⁾ Сибир. приказа столбецъ № 880.

2-го сентября Дежневъ съ товарищами прїѣхалъ въ Илимскій острогъ. Илимскій воевода осмотрѣлъ Якутскую соболиную казну и нашелъ, что у 8 „сумъ“ и 7 „мѣшковъ“ съ мягкой рухлядью печати Якутскаго воеводы оказались „подрѣзаны и сняты, и въ сумы и въ мѣшки хожено“. Дежневъ объяснилъ, что въ сумы и мѣшки дѣйствительно „хожено“, но что это было вызвано крайнею необходимостью: 8 сумъ и 7 мѣшковъ дорогою „подмокли“ и Дежневъ съ товарищи „для высушки казны“ сняли Якутскія печати и „казну сушили“. Всѣ эти тронутые мѣшки и сумы, равно какъ и всѣ остальные, воевода запечаталъ Илимскою печатью и въ тотъ же день отправилъ Дежнева „на судахъ“ дальше—въ Енисейскъ.

Въ Tobольскѣ Дежневъ прибылъ только лѣтомъ слѣдующаго года—26-го іюня 1671 года. Tobольскіе воеводы также осматривали Якутскую соболиную казну „противъ росписи“ Якутскаго воеводы и, хотя все оказалось въ наличности, но часть мягкой рухляди была подмочена и подгнила. Дежневъ показалъ, что, когда онъ плылъ по рѣкѣ Ленѣ, шли „дожди великіе“, отъ которыхъ и подмокла рухлядь. Воеводы приложили къ сумамъ и мѣшкамъ Tobольскія печати и отпустили Дежнева въ дальнѣйшій путь—въ августъ 1671 года.

Послѣднему осмотру Якутская соболиная казна подверглась на Верхотурской „заставѣ“, куда Дежневъ прибылъ въ ноябрѣ. Таможенный и заставный голова Сила Садиловъ, осматривая казну, нашелъ, что нѣкоторые „мѣшки холщевые во многихъ мѣстахъ испробиты и плачены (то-есть наложены заплаты), и мѣшки сверху мѣстами зашивано“. Голова потребовалъ у Дежнева и его цѣловальниковъ „скаски“ съ объясненіемъ причинъ порчи мѣшковъ. Дежневъ и цѣловальники Иванъ Самойловъ и Гаврило Карповъ не замедлили подать въ Верхотурскую таможенную избу „скаску“, въ которой объяснили, что во время пребыванія въ Tobольскѣ соболиная казна была сложена въ государевъ анбаръ, гдѣ многіе мѣшки „мыши испробили во многихъ мѣстахъ“. Дорогою цѣловальники „плѣтили“ и зашивали „мышьи пробойны“. Дорогою же отъ Tobольска до Верхотурья и другіе мѣшки также „подралися и попоролися“; приходилось и ихъ зашивать. Эту „скаску“ Дежнева съ товарищи голова Сила Садиловъ отправилъ въ Сибирскій приказъ вмѣстѣ съ своею отпискою.

Въ Москву Дежневъ прибылъ 25-го декабря 1671 года, въ тотъ же день явился въ Сибирскій приказъ и представилъ присланныя съ нимъ отписки Якутскаго воеводы и другіе документы. Пріемъ мягкой рухляди цѣновщиками „Соболиной казны“ гостемъ Остафѣемъ

Филатьевымъ съ товарищи у Якутскихъ цѣловальниковъ Ивана Самойлова и Гаврилы Карпова состоялся 29-го декабря. Составленная Филатьевымъ „пріемная роспись“ свидѣтельствуесть, что вся посланная изъ Якутска соболиная казна цѣликомъ доставлена Дежневымъ въ Москву. Слѣдовательно, никакихъ злоупотребленій со стороны Дежнева и его товарищей не было, и ихъ объясненія причинъ вскрытія въ дорогѣ нѣсколькихъ сумъ и мѣшковъ. и порчи нѣкоторой части мягкой рухляди—заслуживаютъ полного довѣрія.

О дальнѣйшей жизни Семена Иванова Дежнева—послѣ 29-го декабря 1671 года—никакихъ свѣдѣній не имѣю. Документовъ о пребываніи Дежнева въ Москвѣ въ 1672 году (обычныхъ челобитныхъ царю о дачѣ „выходнаго жалованья“ и проч.), повидимому, не сохранилось. Не извѣстна мнѣ и дальнѣйшая его жизнь въ Сибири по возвращеніи изъ Москвы. Будемъ надѣяться, однако, что архивныя разысканія помогутъ со временемъ прослѣдить и послѣдніе годы жизни и дѣятельности нашего знаменитаго мореплавателя XVII вѣка.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

а) Первая челобитная Семена Дежнева, 1662 г.

(Сибирск. приказа столбецъ № 768, лл. 2—7).

„Царю государю и великому князю Алексѣю Михайловичю, всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержцу, бьетъ челомъ холопъ твой съ великіе рѣки Лѣны Якутскаго острогу служилой человекъ Семейка Ивановъ Дежневъ: въ прошломъ, великій государь, во 146 году посланъ я, холопъ твой, изъ Енисѣйскаго острогу въ Якутской острогъ для твоего государева ясачного збору, съ сыномъ боярскимъ съ Петромъ Бекетовымъ и съ служилыми людьми, и я, холопъ твой, съ нимъ Петромъ Бекетовымъ. И въ прошломъ во 147 г. съ сыномъ боярскимъ съ Парѣномъ Ходыревымъ и служилыми людьми служилъ я, холопъ твой, съ ними въ Якутскомъ острогѣ всякіе твои государевы службы. И при немъ, Парѣнѣ Ходыревѣ, Кангаласкова роду князецъ Сахей убилъ дву человекъ служилыхъ людей, Ѳедотка Шиврина да Еленма Зипунка, и убилъ тѣхъ служилыхъ людей, тотъ Сахейко збѣжалъ съ своихъ жилищъ въ дальные мѣста—въ Оргутцкую волость, и въ тое Оргутцкую волость посыланъ былъ служилой человекъ Иванъ Метлехъ для твоего государева ясачного збору, и сынъ ево Сахаевъ Тоглойко и того служилого Ивана Метлеха убилъ. И сынъ боярской Парѣней Ходыревъ посылалъ меня, холопа твоего, для твоего государева ясачного збору въ тое жъ Оргутцкую волость, и я холопъ съ того князца Сахей и съ ево дѣтей и съ ево родниковъ и съ

пных Оргутцких якутовъ взялъ съ нихъ твоего государева ясаку 3 сорока 20 соболей.

„И въ прошломъ же, великій государь, во 149 г., осенью, писманою голова Василей Поярковъ послалъ меня, холопа твоего, изъ Якутцкаго острогу съ служилымъ человѣкомъ съ Дмитреемъ Михайловымъ съ товарищи, зимнимъ путемъ, на своихъ лошадахъ, на твою государеву службу, черезъ Камень, на Яну рѣку, для твоего государева ясачнаго збору, пятнадцать человѣки. И я, холопъ твой, для твоей государевы службы купилъ 2 лошади, далъ 85 рублей, и платишко, и обувь, и всякой служебной заводу, покупачи въ Якутцкомъ острогѣ у торговыхъ и у промышленныхъ людей дорогою цѣною: сталъ подъемъ мнѣ, холопу твоему, больши 100 рублей. И мы холопи твои, на Янѣ рѣкѣ съ Якутцкихъ людей твоего великого государя ясаку взяли 8 сороковъ 20 соболей, да 2 лисицы бурыхъ.

„И Дмитрий Михайловъ съ Яны рѣки съ твоимъ государевымъ ясашнымъ зборомъ, съ собольми, послалъ меня, холопа твоего Семейку, саму четверту въ Якутцкой острогъ, къ твоимъ государевымъ стольникомъ и воеводамъ къ Петру Петровичу Головину съ товарищи. И я, холопъ твой, съ товарищи, ѣдучи въ Якутцкой, встрѣтя насъ, холопей твоихъ, на дорогѣ Ламутцкіе тунгусы человѣкъ сорокъ и больши, и съ нами, холопи твоими, учинили бой; стрѣляли они по насъ изъ луковъ, а мы холопи стрѣляли по нихъ изъ писталей. И я, холопъ твой, на томъ бою убилъ у нихъ лутчево мужика до смерти, а иныхъ тунгусовъ мы, холопи твои, многихъ ранили. А меня, холопа твоего, Сеньку на томъ бою тѣ Ламутцкіе мужики стрѣлою ранили въ лѣвую ногу по колѣну, а другою стрѣлою ранили въ ту жъ ногу въ икру. И прѣхавъ въ Якутцкой острогъ, твою государеву ясачную соболиную казну 8 сороковъ 20 соболей въ сѣзжей избѣ стольнику и воеводѣ Петру Головину съ товарищи отдали.

„И въ прошломъ же, великій государь, во 150 г. стольникъ и воевода Петръ Головинъ съ товарищи послалъ меня, холопа твоего, изъ Якутцкаго острогу на Оемоконъ рѣку, для твоего государева ясачнаго збору съ служилымъ человѣкомъ съ Михайломъ Стадухинымъ, съ товарищи 14 человекъ, безъ твоего государева денежнаго и хлѣбнаго жалованья, и на своихъ лошадахъ о-два-конь, и мы, холопи твои, покупачи кони дорогою жъ цѣною и платишко, и обувь, и всякой служебной подъемъ сталъ намъ, холопомъ твоимъ, по сту по пятидесяти рублей. И мы, холопи твои, на Оемоконѣ съ Тунгускова князя Чоны и съ его братьи и родниковъ и съ якутовъ взяли твоего государева ясаку противъ прежнего съ прибылью. И собрався неясачные Ламутцкіе тунгусы, сотъ съ пять и больши, кони наши перестрѣлили и съ нами, холопи твоими, учинили бой; и мы, холопи твои, съ ними бились, изъ оружия стрѣляли, а ясачные тунгусы и якуты за насъ стояли и по нихъ изъ луковъ стрѣляли. И Божіею милостію и твоимъ, великого государя счастіемъ, на томъ бою убили мы, холопи твои, тѣхъ ламутцкихъ тунгусовъ десять человекъ, а иныхъ многихъ переранили. А меня, холопа твоего Семейку, на томъ бою Ламутцкіе тунгусы стрѣлою ранили въ правую руку въ локоть, а другою стрѣлою ранили въ правую ногу въ стегно. Да они жъ тунгусы на томъ бою убили у насъ Якутцкаго ясачнаго князя Удаю, да удусновъ мужа Тюсюка и иныхъ многихъ ясачныхъ людей побили до смерти, а

инных переранили и разорили их до основанья. И мы, холопи твои, на достальных своих лошадей твою государеву ясачную соболиную казну с Оемоконя рѣки выслали въ Якутскій острогъ съ служилыми людьми, съ Денисомъ Ериломъ да съ Иваномъ Кислымъ.

„А мы, холопи твои, съ Михайломъ Стадухиннымъ съ товарищи, распрося у ламсково ясачново тунгуса Чоны, для принску новыхъ неясачныхъ людей, гдѣбъ намъ, холопомъ твоимъ, мочно было вновь тебѣ, великому государю, въ ясачномъ зборѣ прибыль учинить, здѣлавъ кочь, сверхъ Оемокону рѣки выплыли на Индигирку рѣку, всего тринацатью человекъ, а по Индигиркѣ выплыли на море.

„А по сказкѣ иноземцовъ ходилъ я, холопъ твой, съ Романомъ Немчиномъ къ служилому человеку Дмитрею Михайлову съ товарищи, для совѣту, чтобъ намъ, холопомъ твоимъ, съ нимъ Дмитреемъ вмѣстѣ служить твои государевы службы и въ ясачномъ зборѣ прибыль чинить и непокорныхъ и непослушныхъ иноземцовъ подъ твою царскую высокую руку приводить. И я, холопъ твой, съ нимъ Дмитреемъ, нашедъ Алазѣйскихъ юкагирей неясачныхъ мужиковъ, поймали въ аманаты князю Манцита сына ево Тойту, и съ тѣми юкагири на той имкѣ у насъ, холопей твоихъ, былъ бой, и меня, холопа твоего, стрѣлою ранили въ лѣвое плече.

„И будучи на Ковымъ рѣкѣ я, холопъ твой, съ Дмитреемъ да съ Михайломъ Стадухиннымъ и съ служилыми людьми въ походѣ нашедъ юкагирскихъ мужиковъ Оймоковъ, и съ тѣми оймоки на имкѣ аманатовъ былъ бой, и я, холопъ твой Сенька, на той имкѣ убилъ у нихъ лутчево мужика Аллаева брата, а сына Аллаева Кениту въ аманаты поймали. А меня, холопа твоего, въ лѣвую руку по завити желѣзницею наскрозъ прострѣлили. И подъ того аманата Кениту и съ ево роду собирали твоего государева ясаку по три годы.

„И Дмитрий Михайловъ да Михайло Стадухинъ вмѣстѣ съ товарищи моремъ на кочѣ пошли съ твоею государевою ясачною соболиною казною въ Якутской острогъ, а я, холопъ твой Сенька, отъ нихъ остался на Ковымъ рѣкѣ въ острожкѣ съ служилымъ человекомъ со Вторымъ Гавриловымъ съ товарищи, всего тринацатью человекъ, для твоего государева ясачного збору. И тѣ иноземцы юкагири, видя насъ, холопей твоихъ, немногихъ людей, собрався сотъ пять и больши, приходили къ намъ, холопомъ твоимъ, къ острожку приступомъ и обсадили насъ въ острожкѣ, и многихъ переранили, меня, холопа твоего Сеньку, въ голову стрѣлою желѣзницею ранили, и въ острожекъ многіе иноземцы къ намъ сильно вломились. И Божіею милостию и твоимъ, великого государя, счастиемъ, измѣнника Аллаика на съемномъ бою копьемъ скололи до смерти, да съ нимъ же вмѣстѣ иныхъ многихъ юка(ги)рей убили до смерти, а иныхъ иноземцовъ многихъ мы, холопи твои, ранили, и они, убоясь смерти, отошли прочь отъ острожку.

„А Дмитрий Михайловъ да Михайло Стадухинъ съ товарищи, будучи въ Якутской острогъ, встрѣтили на морѣ таможенново цѣловальника Петра Новоселова, съ торговыми и съ промышленными людьми, и тотъ Петръ Новоселовъ изъ Якутского острогу отъ стольниковъ и воеводъ отъ Петра Головина съ товарищи къ служилому человеку къ Дмитрею Михайлову привезъ наказную память, что ему Дмитрею велѣно быть на Ковымъ рѣкѣ приказнымъ, до твоего государева указу, на тѣхъ новопринскихъ рѣкахъ—на

Индигиркѣ, и на Алазѣйкѣ, и на Ковымѣ, и на Собачѣ, и новые рѣки прискивать ему Дмитрею, съ таможеннымъ цѣловальникомъ съ Петромъ Новоселовымъ и съ нами, холопи твоими, велѣно со всякимъ радѣньемъ тебѣ великому государю прибыль чинить и вновь иноземцовъ подѣ твою царскую высокую руку приводить и ясакъ съ нихъ искать.

„И онъ приказной Дмитрей Михайловъ и цѣловальникъ Петръ Новоселовъ тебѣ государю радѣли съ великимъ радѣньемъ—посылали насъ, холопей твоихъ, на непослушниковъ неясачныхъ иноземцовъ, которые тебѣ великому государю не послушны и не покорны и твоего государева ясаку не платили, и мы, холопи твои, на твои государевы службы ходили на неясачныхъ иноземцовъ, и головъ своихъ не щадили, и кровь свою проливали, и голодъ терпѣли, и всякую нужу принимали, и твой государевъ ясакъ мы, холопи твои, съ неясачныхъ людей збираемъ съ великимъ радѣньемъ. И приказной Дмитрей Михайловъ да цѣловальникъ Петръ Новоселовъ посылали насъ, холопей твоихъ, съ торговыми и съ промышленными людьми, человекъ съ тридцать и больши войною на твоихъ государевыхъ измѣнниковъ на юкагирскихъ мужиковъ, которые приходили къ острожку приступомъ. И мы, холопи твои, съ товарищи понимали въ аманаты юкагирского мужика Аливина сына Черма, а меня, холопа твоего Сеньку, на той имкѣ тѣ юкагири ранили въ лѣвую руку въ мышку.

„И послѣ того торговые и промышленные люди били челомъ тебѣ, великому государю, а на Ковымѣ рѣкѣ таможенному цѣловальнику Петру Новоселову подали челобитную, чтобъ ихъ торговыхъ и промышленныхъ людей, Федота Алексѣева съ товарищи, отпустили по твоему государеву указу на новую на Анандырѣ рѣку и на иные на сторонные рѣки, для приску новыхъ неясачныхъ людей, гдѣбъ тебѣ, великому государю, мочно было въ ясачномъ сборѣ прибыль учинить. А обо мнѣ, холопѣ твоемъ Семейкѣ, тѣ торговые и промышленные люди били жъ челомъ, чтобъ мнѣ, холопу твоему, идти съ ними вмѣстѣ для твоего государева ясачного збору и для приску новыхъ неясачныхъ людей и для твоихъ государевыхъ всякихъ дѣлъ (л. 5—6).

„И я, холопъ твой, съ ними торговыми и съ промышленными людьми шли моремъ, на шти кочахъ, девяносто человекъ; и прошедъ Анандырское устье, судомъ Божиимъ тѣ наши всѣ кочи море разбило, и тѣхъ торговыхъ и промышленныхъ людей отъ того морского разбою на морѣ пот(он)уло и на тундрѣ отъ иноземцовъ побитыхъ (sic), а иные голодною смертію померли, итого всѣхъ изгибло 64 человекъ (л. 6).

„А я, холопъ твой, отъ тѣхъ товарищей своихъ остался всего дватцатью четырьмя человекъ, и тѣхъ товарищей моихъ зимнимъ путемъ на лыжахъ, съ нартъ,—со стыди (то-есть—студа, стужи), и зъ голоду и со всякой нужи, недошедъ Анандыря рѣки, дорогою идучи 12 человекъ безвѣстно не стало. А я, холопъ твой, на Анандырѣ рѣку довелокся всего двѣнадцатью человекъ, и съ тѣми достальными своими товарищи, не хотя голодною смертію помереть, ходилъ я, холопъ твой, въ походъ къ Канаульскимъ и къ Ходынскимъ не къ ясачнымъ мужикомъ. И Божию милостію и твоимъ царскимъ счастьемъ, понимали въ аманаты дву мужиковъ Анаульсково роду—Колупайка да Негово, да Ходынсково роду Чокчоя, да дву Чю-

ванскихъ мужиковъ Леонту да Подонцу. И на той имѣт тотъ Подонца рѣзалъ меня, холопа твоего Семейку, въ грудь ножемъ. И подъ тѣхъ аманатовъ съ ихъ братьи и родниковъ взято твоего государева ясаку 30 соболей (л. 6).

И послѣ того твоимъ, великому государю, счастиемъ не по одинъ годъ въ аманаты понмали Ходынского роду мужиковъ Обляку, Ондришку (sic), Алдыбейка, Акинейка, Пацилка, Чинчилдайка, Петрушку (sic), и подъ тѣхъ аманатовъ и подъ ихъ братью и родниковъ и съ ихъ улусныхъ людей и по нынѣшней 170 годъ збираетца твой государевъ ясакъ не малой, и впредь по той Анандырѣ рѣкѣ и по инымъ по стороннимъ рѣкамъ будетъ збиратца твой государевъ ясакъ по вся годы передъ прежнимъ съ прибавкою. И рыбей зубъ кость провѣдали, и по вся годы промышляютъ моржей для кости рыба зуба охочіе служилые и промышленные люди.

И въ прошломъ же, великій государь, во 167 году, по твоему государеву указу, Якутского острогу сынъ боярской Курбатъ Ивановъ съ служилыми людьми на Анандырѣ рѣкѣ принялъ у меня, холопа твоего, острожекъ аманатовъ.

„А я, холопъ твой, пошедь изъ Енисѣйского острогу, служилъ тебѣ, великому государю, всякіе твои государевы службы и твой государевъ ясакъ збиралъ на великой р. Ленѣ и по инымъ дальнимъ стороннимъ рѣкамъ въ новыхъ мѣстахъ—на Янѣ, и на Оемоконѣ, и на Индигиркѣ, и на Алазѣйкѣ, и на Ковымѣ, и на Анандырѣ рѣкахъ—безъ твоего государева денежного и хлѣбного жалованья, своими подъемы. И будучи же на тѣхъ твоихъ государевыхъ службахъ въ тѣ многіе годы всякую нужу и бѣдность терпѣлъ и со сновую и листовную кору ѣлъ и всякую скверну прималъ—двадцать одинъ годъ.

„Милосердый государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всеа великія и малыя и бѣды Росіи самодержецъ! пожалуй меня, холопа своего, своимъ государевымъ денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ за тѣ за прошлые годы, а за мое службишко и за кровь и за раны и за многое терпѣнье пожалуй, государь, меня, холопа своего, прибавочнымъ жалованьемъ, чѣмъ тебѣ, великому государю, Богъ извѣститъ! И вели, государь, сію мою челобитную въ Якутскомъ острогѣ въ сѣзжей избѣ своему государеву стольнику и воеводѣ Ивану Ѳедоровичу Большому Голенищеву-Кутзову принять и подъ отпискою послать къ тебѣ, великому государю, къ Москвѣ Царь, государь, смилуйся!“

б) Вторая челобитная Семена Дежнева, 23-го сентября 1664 г.

(Сибирск. приказа столбецъ № 768, лл. 10—11).

„Царю государю..... самодержцу бьетъ челомъ холопъ твой великіе р. Лены Якутского острогу служилой человекъ Сенька Дежневъ: служилъ я, холопъ твой, блаженные памяти отцу твоему..... на Янѣ, и на Индигиркѣ, и на Алазѣйкѣ, и на Колымѣ рѣкахъ, съ служилыми и съ приказными людьми съ Дмитреемъ Михайловымъ да съ Михайломъ Стадухинымъ, и въ ясачномъ сборѣ въ вашей великихъ государей казнѣ учинили великую прибыль. И съ Колыми рѣки поднялся я, холопъ твой, моремъ—провѣдывать новыхъ рѣкъ,

и прискалъ вновь, сверхъ тѣхъ прежнихъ рѣкъ, новую рѣку Анандырь, и на той новой на Анандырь рѣкѣ будучи на твоей, великого государя, службѣ зимовье и острогъ поставилъ, и аманатовъ поималъ, и ясаку тебѣ, великому государю, и десятыя (пошныя) собралъ на той новой рѣкѣ 6 сороковъ 39 сободей и пластинъ собольихъ, 7 сороковъ 4 пупка собольихъ, 15 пудъ 36 фунтъ кости рыбы моржевого зуба. Да я жъ, холопъ твой, съ товарищи на Анандырь рѣкѣ тебѣ, великому государю, челомъ ударили два зуба моржевыя рыбы кости, вѣсомъ 32 фунта. И съ той новой съ Анандыря рѣки ясакъ соболи и кость рыба тебѣ, великому государю, идетъ и по се число.

„А поднимался я, холопъ твой, на ту твою, великого государя, службу, на тѣ новыя рѣки своими деньгами и своими подъемы, а твоего великого государя жалованья мнѣ, холопу твоему, денежного и хлѣбново и соляново со 151 году по 170 годъ ничего не дано. И въ прошломъ, великій государь, во 170-мъ году, въ Якутскомъ острогѣ стольникъ и воевода Иванъ Большой Голенищевъ-Кутузовъ твое, великого государя, соляное жалованье со 151 г. по 170 г. изъ твоей, великого государя, казны мнѣ холопу твоему выдалъ, а денежное и хлѣбное твое, великого государя, жалованье для денежной и хлѣбной скудости на прошлые годы мнѣ Сенькѣ не дано. И о той моей службѣ къ тебѣ, великому государю, изъ Якутскаго острогу писано. И будучи на той твоей, великого государя, службѣ, поднимаячи(сь) собою, и служа тебѣ, великому государю, многое время безъ твоего великого государя жалованья, имаячи иноземцовъ въ аманаты, голову свою складывалъ, раны великія принималъ и кровь свою проливалъ, холодъ и голодъ великій терпѣлъ, и помиралъ голодною смертью, и на той службѣ будучи и отъ морского разбоя обнищалъ и обдолжалъ великими неопкупными долги, и въ тѣхъ долгахъ въ конецъ погибаю!

„Милосердый государь, царь..... самодержецъ! пожалуй меня, холопа твоего, за мое службишко къ тебѣ, великому государю, и за подъемы, и за аманатское иманье, и за раны, и за кровь, и за морскіе разбои, и за всекое нужное терпѣнье своимъ, великого государя, хлѣбнымъ и денежнымъ жалованьемъ на прошлые годы со 151-го и по 170 годъ мой заслуженной окладъ сполна, чтобъ мнѣ, холопу твоему, въ каменныхъ долгахъ на правѣхъ убиту не быть и впредь бы твоей, великого государя, службы не отбыть и въ конецъ не погибнуть! Царь, государь, смилуйся, пожалуй!“

в) Третья челобитная Семена Дежнева, 13-го февраля 1665 г.

(Сибирск. приказа столбецъ № 762, л. 1).

„Царю государю..... бьетъ челомъ холопъ твой, великія рѣки Лены Якутскаго острогу служилой человекъ Сенька Дежневъ: служилъ я, холопъ твой отцу твоему... и тебѣ, великому государю,—въ Сибири по Тобольску и по Енисейску, и по великой р. Ленѣ, и по инымъ рѣкамъ—двадцать лѣтъ приказнымъ человекѣмъ вмѣсто атамана, и кровь свою проливалъ, и многія раны принималъ, и аманатовъ поималъ, и ясакъ вновь тебѣ, великому государю, подъ тѣхъ аманатовъ збиралъ, и рыбой зубъ—моржевую кость про-

вѣдалъ и промышлялъ, и та моя служба тебѣ, великому государю, вѣдома и въ Сибирскомъ приказѣ записана. Милосердый государь царь... самодержецъ! пожалуй меня, холопа своего, за ту мою службу, и за кровь, и за раны, и за ясачную прибыль: вели, государь, меня поверстать въ свою, великого государя, службу по Якуцкому острогу въ сотники, или какъ тебѣ великому государю Господь Богъ о мнѣ извѣститъ, и вели, государь, мнѣ, холопу своему, про свой обиходъ купить хлѣбныхъ запасовъ про себя пудъ ста по три на Ленскомъ волоку по вся годы. Царь, государь, смилуйся, пожалуй!»

г) Четвертая челобитная Семена Дежнева, 25-го февраля 1665 г.

(Сибирск. приказа столбецъ № 762, л. 10).

„Царю государю... бьетъ челомъ... Сенька Дежневъ: въ нынѣшнемъ, государь, во 173-мъ году, по твоему, великого государя, указу волокусь я, холопъ твой, въ Якуцкой острогъ, на твою, великого государя, службу, а племянникъ мой Ивашко Ивановъ живетъ на Устюгѣ Великомъ ни въ теплѣ, ни въ посадѣ—скитаецца межъ дворъ и съ женою своею съ Татьянкою Григорьевою дочерью. Милосердый государь-царь... самодержецъ! пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, того моего племянника Ивашку съ женою ево Татьянкою съ Устюга Великого взять съ собою въ Сибирь въ Якуцкой острогъ и вели, государь, о томъ дать свою, великого государя, проѣзжую грамоту. Царь, государь, смилуйся, пожалуй!“

PKT
MB

2007079498